

Александр Афанасьев

ПОДУДАРОМ

Александр Афанасьев

Под ударом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68738736

SelfPub; 2023

Аннотация

Действие этого крутого шпионского детектива разворачивается в Восточной и в Западной Европе, в США и на территории СССР, в альтернативной истории. В этой истории Горбачёву не удалось развалить СССР, поскольку его вовремя застрелили враги перестройки. Именно поэтому ЦРУ совместно с британской разведкой затеяли опасную многоходовую комбинацию по нейтрализации советского влияния на страны Восточной Европы.

Содержание

Пролог. Белфаст, Северная Ирландия. 12 октября 1987 года	4
Белфаст, Северная Ирландия. 19 октября 1987 года	17
Истамбул, Турция. 20 ноября 1987 года	24
Москва, Ходынское поле. Основное здание ГРУ ГШ. 20 июля 1988 года	34
Подмосковье. Санаторий МИД СССР. 30 июля 1988 года	39
Япония. Токио. Много лет назад	43
Подмосковье. Санаторий МИД СССР. 30 июля 1988 года. Продолжение.	47
Москва, Кремль. Заседание особой рабочей группы по подготовке экономической реформы. 30 июля 1988 года	50
Москва, Кремль. Кабинет Председателя Президиума Верховного совета СССР. 30 июля 1988 года	64
Москва. Объект АБЦ (архивно-библиотечный центр) КГБ СССР. 30 июля 1988 года	73
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Афанасьев

Под ударом

Пролог. Белфаст, Северная
Ирландия. 12 октября 1987 года

*Каждый из нас знал, что у нас
Есть время опоздать и опоздать еще,
Но выйти к победе в срок.
И каждый знал, что пора занять место,
Но в кодексе чести считалось существенным
Не приходить на урок;
И только когда кто-то вышел вперед,
И за сотни лет никто не вспомнил о нем,
Я понял – небо
Становится ближе
С каждым днем...*

*Борис Гребенищikov. «Небо становится
ближе»*

– Так, парни, на выход.

Грузовик остановился на перекрестке с Шанкилл-роад, и солдаты Гвардейского кавалерийского полка начали выгружаться...

– Давайте, пошевеливайтесь. Нечего тут торчать...

Рядом остановился полицейской раскраски легкий броневик «Шорт», из него вылез человек в штатском, какого никак не ожидаешь увидеть в бронированной машине. Осмотревшись, он подошел к лейтенанту, командовавшему высадкой.

– Курите, – предложил он Морли.

– Не курю.

Штатский спрятал сигареты в карман.

– И я не курю. У вас есть опыт городского патрулирования?

– Мы прошли курс подготовки, сэр.

Штатский посмотрел на подтянутого лейтенанта с жалостью.

– Я пушу одну бронемашину рядом с вами, она будет вас сопровождать непосредственно, и одна будет в резерве. В случае чего – не геройствуйте, и прячьтесь за машинами, лейтенант.

– Корнет.

– Простите?

– Корнет¹. Это мое звание. И я приехал сюда не для того чтобы прятаться.

Штатский посмотрел на крыши.

– Это не караул у дворца. Это война.

– В таком случае, мы будем воевать.

---

¹ Речь идет о полке Дворцовой кавалерии, у них уникальная система званий. В частности вместо звания лейтенант в этом полку есть звание корнет. Все сержанты так же называются иначе.

– Как знаете. В любом случае – на пулемете сидит лучший пулеметчик, он вас прикроет, удачи...

Подошел сержант, он тоже назывался иначе – конный капрал. Отрапортовал:

– Сэр, люди и лошади построены.

Никаких лошадей, конечно же, не было, но в полку чтители традиции.

– Выдвигаемся.

– Есть, сэр...

Штатский посмотрел на них с жалостью, потом повернулся и пошел к машине.

...

В броневику было тесно. Из-за забранных решеткой окон еще и не разглядеть ничего было. Пахло куревом.

– Какого черта они тут делают, сэр?

– А ты не понял еще?

...

– Выборы².

– Вот ублюдки.

– Еще какие...

Штатский достал сигарету и закурил.

– Что будем делать, сэр?

---

² Выборы прошли 11 июня 1987 года, на них консерваторы потеряли 21 место, но сохранили устойчивое большинство в Парламенте. Консерваторы на этих выборах подтвердили контроль над Англией, но почти полностью потеряли Уэльс и часть Шотландии. В Северной Ирландии не было ни одного округа, где победили бы тэтчеристы. Кроме того, консерваторы проиграли часть Лондона.

– Сопровождайте этих бедных идиотов...

...

Гвардейская Бригада появилась в Белфасте, этом разорванном на куски городе, не случайно – ее появление было хладнокровным вызовом ИРА – Ирландской республиканской армии со стороны консерваторов и их лидера, миссис Тэтчер. Маргарет Тэтчер в преддверии приближающихся выборов хладнокровно разыгрывала карту террористического противостояния в Северной Ирландии, ожидая, что инциденты мобилизуют ее сторонников, заставят прийти на избирательные участки. Впрочем, возможно, что решение включить в график ротации и Гвардейскую бригаду было вызвано и вызовом, который Мэгги Тэтчер бросала британскому аристократическому классу – ведь в Бригаде служило немало отпрысков самых достойных британских родов. Консервативная партия – еще до того как ее возглавила Тэтчер – превратилась скорее в партию мелких лавочников, а аристократы – стройными рядами двинулись в сторону лейбористов. Один из парадоксов британской внутренней политики – аристократы защищают права рабочих. Вот это презрение и хотела выразить миссис Тэтчер, которая дворян презирала и ни в грош не ставила.

Но сами гвардейцы этого не понимали, да и не хотели понимать. Это было элитное британское подразделение и в нем служили лучшие из лучших, те, кто хотел служить своей стране...

...

Примерно в то же самое время, когда гвардейцы выстраивались в походный порядок, недалеко от них боевики ИРА заканчивали последние приготовления. Вызов, понятное дело, был принят – именно поэтому и продолжалась эта война. Любой вызов – принимался...

– Значит, кидаете камни и немедленно назад. Немедленно!

...

– Не ждите, пока начнется стрельба.

Парни во все глаза смотрели на среднего роста, молодого для его роли в организации человека – ему не было и тридцати. И тем не менее, это был сам Берк, который в пятнадцать лет застрелил полисмана, а сейчас ему было двадцать девять и он все еще был жив. В Белфасте столько не живут. А кто живет, вызывает подозрения – но Берка никто и ни в чем не подозревал.

Дождавшись, пока парни убегут, Берк подошел к фургончику напротив. На фургоне была реклама ремонтной электрической службы.

– Чейс, присмотри за братом. Все готовы?.. Тогда вперед...

...

Северная Ирландия. Белфаст.

Место, где идет самая долгая и страшная религиозная война в Европе 20 века. Нигде, за все время Холодной вой-

ны, не было столь долгого и жестокого гражданского противостояния как здесь, накладывающего отпечаток на все без исключения стороны жизни общества.

Безработица – тридцать пять процентов. Самая выгодная и популярная профессия в городе – стекольщик: если взорвётся в обед, то к вечеру уже будут стоять новые стекла. Дома здесь проектируют повышенной прочности, в расчёте на близкий взрыв. Везде решетки. Километры и километры стен между враждующими районами: вторая по популярности профессия в городе – каменщик. Как только пролетает вертолёт или проезжает военный патруль – люди прячутся. В сельской местности настолько опасно, что основные перемещения живой силы – на вертолетах.

Ненависть здесь чувствуется, как пыль в воздухе, как предгрозовое электричество в летней духоте. Здесь быстро учишься правилам выживания во фронтовой зоне – не ходить куда не надо, держать язык за зубами, помнить список праздников с положенными по этому поводу секториальными побоищами. Когда впервые встречаешь местных активистов, сначала принимаешь их за болельщиков футбольного клуба, нормальных людей, которые ищут как выплеснуть свою энергию в субботу. Потом начинаешь понимать, что там, где в нормальных местах просто набьют морду и побьют стекла – тут жгут и забивают до смерти, простреливают колени, просверливают головы – это все делают внешне нормальные люди, которые почему-то дали волю своей без-

удержной ненависти. Такова Ирландия.

Война в Северной Ирландии была везде – и в то же время нигде. Она могла начаться в любой момент и ее мог начать кто угодно. Вон та женщина с коляской. Водитель проезжающей мимо машины. Группа подростков в подворотне. Кстати, что это они так смотрят?

Поводом для вспышки насилия может послужить всё, что угодно. Парад противоположной стороны, заехавшая не туда машина, торговля наркотиками – да просто у кого-то руки зачесутся. По улицам разъезжали так называемые «психи» – они охотились на своих, кто был подозрителен или не выполнял негласных здесь правил жизни. Дай только повод – и...

Чаще всего не надо даже повода. Повод – сама жизнь. Все, кто мог – отсюда давно уехали. Остались фанатики и те, кому некуда ехать. От богатой ирландской общины в Америке поступают деньги и оружие. Как только это приходит сюда – гремят выстрелы...

И они здесь – солдаты Ее Величества – не более, чем повод. Им всего по двадцать-двадцать пять лет, и их не было даже в мыслях, когда их пра-пра и еще сколько-то там «пра»-дедушки морили голодом и угнетали пра-пра и еще сколько то там «пра»-дедушек тех, кто в них стреляет. Но почему то им надо в страшном вчера – найти оправдание кровавого сегодня. Это им важно. И они это делают, как будто, отвоевав свои шесть северных графств, они смогут переиграть

всю историю своего народа...

– Камень!

Их учили – если кто-то видит опасность, он криком сообщает о ней всем остальным...

Проклятые дети.

У них не было ничего против них. Все что они могли – укрыться в расчете на то, что метательных снарядов у детей немного, и они, кинув по паре камней, – убегут.

– Проклятые кокни!

Кажется, побежали... здесь целый лабиринт, множество узких проходов между домами, ничего не поймешь...

– Сэр...

Как то так получилось, что никто не слышал этого выстрела. Просто когда конный капрал позвал своего офицера... не услышав отклика он обернулся, увидел, что его корнет лежит на тротуаре.

– Помогите ему!

Капрал думал, что корнету в голову попал камень. И лишь когда упал бросившийся на помощь солдат, а потом еще один, – он понял, что по ним стреляют...

...

Оружия в Северной Ирландии было много и попадало оно на остров самыми разными путями.

Еще в тридцатые годы местные фении меняли у американских бутлегеров времён Сухого закона автоматы Томпсона на ирландский виски. В пятидесятых в Ирландию попа-

ло много оружия с полей отгремевших сражений в Европе. В семидесятых – ирландская община в США закупила винтовки и револьверы и отправляла их братьям по эту сторону океана. В США до 1982 года боевой автомат можно было купить, просто придя в магазин, а до убийства Кеннеди, одного из новоявленных ирландских святых – даже по почте. Бостон, Нью-Йорк, всё Восточное побережье – место где куча ирландцев, там в барах собирали и деньги, и оружие, и отправляли через океан.

Качественный же рост – начался с полковника Каддафи. Романтик – революционер из пустыни, ставший лидером государства, но продолжающий жить в бедуинском шатре – он основал Мафабу, организацию экспорта революции. Это как Коминтерн в первые годы его существования. Если Андропов строго запретил представителям ПГУ КГБ вступать в любые контакты с европейскими террористами (что не исключало поддержки косвенно через спецслужбы стран Восточной Европы, через болгар, немцев, венгров, румын) – то мафаба гостеприимно открыла двери страны, и в бескрайней ливийской пустыне появились десятки лагерей подготовки боевиков. Европейским филиалом мафабы стала румынская Секуритата и ее школы террора во главе с братом президента, генералом Андрутой Чаушеску³. ИРА, как са-

---

³ Это правда. Румыния установила очень тесные связи с некоторыми странами Ближнего Востока из-за того что она исчерпала собственные нефтяные месторождения – но у нее остались транспортная инфраструктура и нефтепереработка. Именно наличие школ Андруты Чаушеску сделали бархатную революцию в

мая жестокая, многочисленная и эффективная террористическая группировка в Европе, установила плотный контакт с Каддафи и Секуритатой – и на смену автоматам Томпсона пришли автоматы Калашникова, гранатометы РПГ и тонны пластиковой взрывчатки. Которая, как известно, производилась в Чехословакии и щедро распространялась среди террористов всего мира.

Иногда поставки удавалось остановить – как когда годом ранее был остановлен пароход и там помимо прочего, обнаружили пулеметы ДШК. Но мелкие партии, которые невозможно было отследить, – просачивались.

СССР в этом деле до определенной поры не участвовал – секретарь Горбачёв продолжал дело товарища Андропова, своего учителя. Но секретаря Горбачёва больше не было, в Кремле сидели другие люди, и они отправили в Лондон и Вашингтон послание – перестаньте помогать афганским моджахедам, а не то мы найдем у вас собственных моджахедов и начнем помогать уже им. Послание не было принято во внимание, а напрасно...

...

– Справа, на крыше!

Опытный экипаж не подвел – наблюдатель знал, куда смотреть, и пулеметчик среагировал на окрик наблюдателя

Румынии очень кровавой – тогда против боевиков выступила армия. Потом сотни, если не тысячи офицеров Секуритаты, в том числе связанные и с подготовкой террористов, – ушли в Югославию и участвовали в событиях и там.

мгновенно – развернув в указанном направлении пулемет, он дал длинную очередь. Полетели куски штукатурки, что-то упало с крыши.

– Видишь его?

– Нет!

В этой время фургон с рекламой, стоявший примерно там, где был стрелок – начал резко сдавать назад. Из него не стреляли и оснований применять по нему оружие – не было никакого...

...

– Сэр.

Суперинтендант Стонктон, коренастый, лысеющий, много повидавший, – вылез из бронированного Ландровера, который пропустили за ограждение. В спину закричал какой-то газетчик... шакалы, и эти тут.

– Уберите к черту газетчиков, – бросил суперинтендант, проходя к фургону криминалистов...

– А, Эл. И ты тут.

Эл Хорсман представлял здесь контрразведку. По мнению суперинтенданта – чертовски бесполезный тип.

– Что тут произошло?

– Нападение на патруль, сэр. Двое убиты, пятеро ранены.

Суперинтендант нахмурился. Нападения на патрули были повседневностью – но обычно не было таких жертв, солдаты могли за себя постоять.

И следов взрыва не было.

– Как это произошло?

– Снайпер, сэр.

– Посмотри-ка, что мы нашли, – неизвестно чему радуясь, сказал Хорсман, как будто это он что-то нашел.

Суперинтендант посмотрел на длинное ружье, отдаленно напоминающее автомат Калашникова – но не похожее на него.

– Что это?

– Посмотрите сюда, сэр. Вот это клеймо.

– Государственный оружейный завод в Ижевске. Это не китайская, это русская винтовка. Произведена, судя по номеру всего три–четыре года назад.

Оба помолчали. Они хорошо понимали, что это значит. Русские и раньше поставляли оружие террористам в Северной Ирландии. Но делали это через множество посредников, и никогда не поставляли ничего подобного. В основном в ходу были всякие трофеи, даже времен Войны. А это – боевая снайперская винтовка. И даже клейма не затёрты.

– Это СВД. Снайперская винтовка Драгунова, – сказал Хорсман. – Русские ее даже не всем союзникам передают. Первая СВД, которую мы здесь нашли.

Суперинтендант передал винтовку констеблю.

– Упакуйте это. Она поедет в Лондон.

– Да, сэр.

– А что со стрелком?

– Его не нашли, сэр.

...

– Следы крови... Он выронил винтовку. Пулеметчик успел отреагировать. Его вытащили и... ушли.

– Оповестите больницы. Сколько, говорите, убитых?

– Двое, сэр.

На самом деле, суперинтендант сказал, что говорит ерунду – у ИРА давно были свои доверенные врачи. Но он должен был делать вид, что полиция хоть как-то контролирует ситуацию...

Белфаст, Северная Ирландия.

19 октября 1987 года

Несмотря на то, что война обезлюдила Белфаст практически наполовину – были и те, кто зарабатывал на этой войне. Больше всего, конечно, стекольщики – их услуги требовались постоянно и в самых разных частях города. На втором месте были автомеханики – машины здесь изнашивались больше, потому что во многих местах трубы были вмонтированы прямо в дорогу, чтобы машины снижали скорость. В других местах оставались ухабы от взрывов. Короче, автомеханики в Белфасте были в чести.

Эта контора располагалась на самой границе католического района – но и протестанты ее не трогали. Держал ее некий Зограмос, давно переехавший в Белфаст кипрский грек. Он не отказывал в ремонте никому и не совал нос в чужие дела. Его уважали.

В этот день – в контору к Зограмосу притащили на ремонт машину. Причина ремонта тоже была типично белфастская – машина ехала, кто-то бросил бутылку с бензином. Попала на капот, часть – пролилось под капот, теперь надо было восстанавливать всё, что сгорело. Учитывая, что работа была сложная, к машине встал сам хозяин мастерской – марку надо беречь.

Никто не заметил, как он достал из-под аккумулятора и спрятал в карман записку. Кто бы стал смотреть, кому это все надо?..

...

Той же ночью один из офицеров четырнадцатого спецотдела полиции, известного как The Det – посадил в одном из протестантских кварталов пассажира.

Офицер этот был агентом глубокого залегания, бывший офицер британской армии – он после отставки получил лицензию таксиста и день-деньской колесил по улицам. Того подвезет и этого подбросит. Таксист – отличная крыша, никто не обращает внимания на таксистов, они есть – и их нет. Надо – остановил такси, поехал. Заплатил. Никто не догадывался, что этот таксист, как и некоторые другие – часть секретной программы наблюдения и поддержки. Таксисты постоянно в городе, они всё видят, если надо – они первыми окажутся на месте. А если что – под сиденьем тайник, там и Р38 найдется, и MP5K и еще много чего. И специальная отметка в удостоверении личности – патрулям запрещено останавливать и обыскивать людей с такой отметкой.

Что касается пассажира – то он был явно подозрительным. Худой, с каким-то лисьим лицом. Черная кожаная куртка. Английский у него был неправильным, с каким-то нехорошим акцентом. И куртка у него была застёгнута...

Его звали Гордон Эдкинс. Он был уроженцем дурного района Лондона, его мать была чешкой, вынужденной бе-

жать с Родины после того как там покатались по улицам советские танки. Отсюда и акцент. Сам он проходил службу в Королевских драгунах, отсюда был откомандирован в БАОР – британскую армию на Рейне. Отсюда и акцент. Уйдя из полка, он несколько раз ездил на историческую родину, якобы за хрусталем. На самом деле – все понимали, что не только за хрусталем. Но и за изделиями из каталога Омнипол.

И совсем немногие знали, что Эдкинс – на самом деле прошел отбор в двадцать второй полк особого назначения, а сейчас – работал на британскую разведку, выдавая себя за того, кем по идее и должен был являться. Мигранта с темным прошлым, которого выкинули из армии и явно не за то, что нахамил офицеру. И того, у кого есть связи за Железным занавесом, и который достанет все, что нужно, если за это хорошо заплатят.

Садясь в такси, водитель назвал адрес в спальном районе, но вдруг передумал.

– Эй, папаша. Давай на Шанкилл-роад.

Таксист покачал головой

– Извини, сынок не выйдет.

– Пятьдесят фунтов, папаша.

– Извини, сынок. Моя задница стоит дороже. Да и тебе вряд ли стоит там показываться. Это нехорошее место даже днем.

– Как знать как знать. Тогда... не остановишь ли у цветочного. Мне надо купить дюжину роз.

Таксист не показал удивления. Хотя удивился.

– Красных роз? Или белых, мистер?

– Алых. Алых как кровь.

– Тогда вы по адресу.

Пассажир понизил голос:

– Я сейчас лягу на пол – не надо, чтобы меня видели в машине. Прокатись по Шанкилл Рoad. Увидишь парня, с букетом красных роз, как на свидание вырядившегося, – подсади его.

Таксист ушам своим не поверил

– Парни, да вы охренели. Шанкилл Рoad не место, чтобы кататься там в поисках клиента! Где он будет стоять!

– Я не знаю, – пассажир и в самом деле лег на пол, держа на груди Браунинг с длинным, на тридцать два патрона магазином, – но заранее спасибо...

...

К счастью – нужного человека таксист увидел, как только они выкатили на Шанкилл – там вся проезжая часть была в заплатах от взрывов. Он и в самом деле стоял на обочине в кожаной куртке и с букетом цветов и выглядел совершенно по-дурацки.

Таксист притормозил, готовый в любую минуту выжать педаль газа до отказа.

– Вас подвезти мистер?

– Да, если договоримся по цене.

– Всегда договоримся, мистер. Садитесь.

Тип с букетом сел назад, не обращая внимания на лежащего на полу человека.

– Привет, Френки.

...

Командир Белфастской бригады был невозмутим. Никто не знал о том, почему он пошел на сотрудничество с британской разведкой. Многие подозревали, что его дело было схоже с делом Евно Азефа, русского террориста начала века, тоже сотрудничавшего с полицией. Он выдавал полиции тех, кто был его конкурентами в мире террора и продолжал убивать – в числе убитых министр и Великий князь. До сих пор заинтересованные люди спорят: вербовка Азефа принесла больше вреда или пользы?

Впрочем, у русских семнадцатый год сделал все споры бессмысленными.

– Какого черта?

– Что-то не так?

– Какого черта вы не предотвратили атаку?! Я же сообщил вам вовремя.

Лежащий на полу человек сделал неопределенный жест. Рукой с пистолетом

– Сиди спокойно Френки. И не кричи так. Тебя с улицы слышно.

Френки Берк сел смирно.

– Политика, да? Вам нужны были те смерти. Чертовы ублюдки, вы даже нашу борьбу умудрились поставить себе

на пользу

– Ну, это как посмотреть, Френки. И на твоём месте я бы следил за языком. Длинноват он у тебя что-то...

Командир Белфастской бригады нервно облизал губы.

– Что дальше? Фараоны рыщут по домам. МакГиннеса накрыли.

– Туда ему и дорога. Слишком много пил и слишком много болтал. Мы кстати, сейчас внедряем человека к вам. Мы сообщим о нём тебе, и ты сможешь раскрыть шпиона.

...

– Ты так и не узнал про русские поставки?

– Нет.

– Это плохо. Наводит на мысли.

– Какие мысли? Я же говорил, этим занимаются братья Хорнелы. Младший, Горди – чертов коммунист, он в Москве учился. Только они и знают.

– Мы проверили. Таких данных нет.

– Черт, я что, по-вашему, вру?!

– Успокойся. Не надо кричать.

Берк закурил сигарету. Таксист поморщился – он не любил, когда в такси курили.

– Это другие люди. Они себе на уме, смотришь – и не знаешь, о чём они думают. Отвернешься – он первый тебе пулю в спину всадит. Долбанные коммунисты.

– Вот видишь, ты все правильно понимаешь. Коммунисты – это общая угроза для вас и для нас. Она важнее чем то, что

делаешь ты и делаю я.

– Да у вас в правительстве половина – коммунисты.

– Не стоит преувеличивать. В Европе так и есть. Но не у нас. Значит, ты пока не нашел канал.

– Нет, – Берк жадно курил, – знаю только одно – поставки небольшие. Две-три винтовки, не более.

– Даже две-три винтовки Драгунова для Белфаста чересчур много, как мы в этом убедились. Канал надо найти. Если не можешь сам – сдай нам братьев. Мы найдем.

– Какого черта? Если их сдать – начнут подозревать меня. О братьях знают от силы пять человек. Считаю меня.

– Тогда найди сам. Может, товар выгружают с подводных лодок?

– Не знаю. И... вот еще что. Когда я видел Тома Хорнела, он сиял, как новенький пенни. Говорил, что в следующей поставке будут управляемые ракеты. Ими можно сбить самолет.

– Ракеты? Вот видишь! Теперь это становится еще более важным делом.

– Остановите их. Хорнел будет избран в высший совет ИРА, если доставит ракеты. Если это произойдет – движение перехватят коммунисты.

Истамбул, Турция.

20 ноября 1987 года

Каждой разведке, даже враждующей – нужно бывает время от времени поговорить с теми, с кем она враждует. Желательно в нейтральном месте и без свидетелей. Американцы для таких дел с русскими обычно используют Вену или Хельсинки. С англичанами – почему-то так получилось, что городом для встреч стал Стамбул. Город ветров...

Стамбул – город на Босфоре, столица четырех империй, город с непростой судьбой. Русские сюда шли – да не дошли, надорвались. А вот англичане дошли – годы 1919, 1920 – турки вспоминают как годы лютого, беспросветного национального унижения. А англичан в городе не любят до сих пор.

Тем не менее, Турция давно была членом НАТО и должна была в будущем стать членом Европейского объединения. Кемаль Ататюрк, родившийся в Салониках сын мелкого чиновника – поставил бывшую империю на дыбы, разом отказавшись от всего прошлого ради европейского будущего. Ататюрк – это запоздалый турецкий Петр Первый. А на его памятнике – внизу расположены меньшие по размеру статуи его соратников и тех, кто помогал ему поднимать Турцию из руин. Среди них – фигуры Климента Ворошилова и Семена

Аралова, первого советского военного представителя в Турции. Англичан на памятнике основателю современной Турции – нет ни одного...

Британец прибыл в город первым. А может и не первым – он не знал, каким путем будет добираться русский визави и ему было в общем-то плевать. Он сам летел обычным гражданским рейсом через Франкфурт. Самолет был полон – бизнесмены, разбогатевшие турецкие гастарбайтеры, желающие похвастаться своим успехом перед родными. На него никто не обращал внимания, хотя все его считали своим.

В нем не было ни капли турецкой крови – хотя он был похож на любого обитателя Средиземноморья. Черные глаза немного навывкате, черные чуть выющиеся волосы, кожа темнее, чем у обычного англичанина – скорее, как у индуса. Внешность он унаследовал от бабки, гречанки. И город был ему не чужим – потому что именно здесь в 1920 год прогуливающийся по набережной – тогда она еще не звалась «авеню Кеннеди» британский морской офицер вдруг увидел потрясающе красивую турчанку, одетую на европейский фасон. Он попытался заговорить с ней на своем жалком турецком, и услышал в ответ на превосходном английском с произношением Челтенхем Ледиз Колледж: «Можете не стараться, мистер, у вас все равно ничего не выйдет». Это и была его бабушка, дочь богатого греческого купца, учившаяся в Великобритании...

На выходе из аэропорта он не стал заказывать такси – а

вместе со всеми бедняками сел в долмуш, на нем и доехал до Стамбула. Там он пересел еще несколько раз, пока не оказался на площади Таксим – довольно убогом подражании европейским площадям. Она была известна лишь тем, что несколько лет назад снайперы-националисты открыли здесь огонь по митингу оппозиции.

Еще тут разворачивался трамвай, идущий по историческому центру.

Англичанин сделал вид, что рассматривает архитектуру – хотя и рассматривать тут особо нечего было, а через несколько минут его окликнули:

– Ахмади! Дружище, ты ли это?!

«Ахмади» был его оперативный позывной в Омане.

Они обнялись, поцеловались по-турецки – то есть просто соприкоснулись щеками. Встречавший его офицер был высокопоставленным сотрудником турецкой военной разведки. Одновременно он сообщал британцам новости из мрачного мира правофашистской диктатуры Эврена в обмен на паспорта и деньги на начало новой жизни в Англии, когда дела пойдут совсем плохо...

– Я. Кто же еще...

– А ты не изменился.

– Зато ты...

Турок хлопнул его по животу.

– Кто плохо кушает, тому доверять нельзя!

– Даже так...

– Пойдем, прогуляемся...

Они пошли вниз по проспекту Истикляль к Галатскому лицу. Тогда на этой улице еще не было таклюдно, и магазинов столько не было. Это была одна их визитных карточек бывшей турецкой столицы – самая европейская улица города. Турецкое выдавали только типичные для турков выдающиеся деревянные закрытые балкончики – они назывались киоски, турки в них любили отдыхать.

– Я встречаюсь с русскими. У тебя всё готово?

– Конечно, друг.

– Можешь проследить, только ради Бога не трогай.

– Сделаем...

– Что нового здесь?

– Ничего, – вздохнул турок, – знаешь, Турция – это страна, в которой за десять лет меняется всё, а за сто – ничего.

– Как твой сын?

– Хочет стать футболистом... вах... позор на мою голову...

– Пусть приезжает к нам. У нас есть футбольные академии.

– О чем ты говоришь, друг?! Я хочу чтобы мой сын пошел по моим стопам – а не пинал мяч.

– Аллаху виднее.

– Аллаху виднее, только чем я его так прогневал...

Они прошли мимо Галатского лица – лучшей светской школы в Турции. Тут улица делала резкий поворот – и шла

к Тунелю.

– Послушай, дружище. Ты помнишь, Кямрана?

– Да, разумеется.

– Как закончишь, загляни к нему. Я тебе покажу кое-что.

– Что именно?

– Допросы русских. Точнее, грузин. У нас сейчас каждый день: что ни день, так переход границы. Один к себе столько золота примотал, чуть не утонул.

– Что говорят?

– Говорят, плохо все, русские грузин больше не любят, расстреливают. Этот Георгадзе никому дыхнуть не дает, воровал – смерть. Вах...

– Хорошо, загляну.

...

Вещей у англичанина не было. Он зашел на верхнюю станцию Тунеля – или закрытого фуникулера, ведущего вниз, к самому Босфору. дождался вагона, попытался понять, кто его провожатые. Турки работают топорно, двоих он спалил. Под его пристальным взглядом они смутились.

Диктатура, однако. Профессионализму не способствует.

Выйдя вниз, он медленно пошел к пристани. Тут ловили рыбу, тут же ее жарили и продавали в разрезанной пополам булке. Народ ждал паром, чтобы перебраться в азиатскую часть Босфора. Моста через Босфор так пока и не было...

– Эфенди, вкусная рыба. Эфенди...

Англичанин остановился. Наглец держал его за рукав

– Сколько хочешь за свою рыбу?

– Всего три миллиона лир, эфенди⁴.

– Что-то дорого, маленький разбойник

Мальчишка вдруг сунул англичанину булку с рыбой.

– Тогда бери бесплатно, эфенди... – негромко сказал он. –

А вон на том пароме тебе и чая бесплатно нальют.

Англичанин пристально посмотрел на маленького зазывала, потом пошел в направлении паромной пристани.

...

Турецкие паромы – неотъемлемая часть стамбульской жизни и мало в каком городе движение по воде такое же интенсивное, как здесь. Стамбул расположен на двух берегах Босфора, западный – это еще Европа, восточный – уже Азия. Город как бы расползлся вдоль берегов на многие мили, карабкался на склоны босфорских холмов – и потому речные паромы были одним из самых быстрых и удобных способов добраться из одного конца города в другой, особенно с учетом того, что в городе не было метро. Сами турки пользовались паромами повседневно, набивались на маленькие старые кораблики до отказа, нижняя палуба была закрытой, верхняя – открытой. Пока едешь, можно поразмышлять, полюбоваться игрой солнца в волнах, посмотреть на чаек и дельфинов...

---

⁴ До 2005 года в ходу были неденоминированные лиры, сейчас это всего три лиры

Англичанин заплатил за проезд полмиллиона лир, не спеша протиснулся к лестнице, поднялся на вторую палубу – там были длинные, деревянные скамьи, отполированные до блеска за многие годы. На той, что опоясывала палубу – сидел неприметный человек, похожий на итальянского актера Витторио Мещоджорно⁵ из «Трех братьев». Глядя на этого человека, сложно было назвать его национальность и даже возраст – он был средним, а потому – почти безликим. Одет он был по-европейски, из турецкого на нем была только плотная кожаная куртка поверх пиджака.

– Чая, эфенди? – рядом возник официант, с подносом, на нем были парящие, маняще теплые грушевидной формы стаканчики с чаем.

Англичанин взял себе чая, подошел ближе.

– Я присяду?

– Ради Аллаха. Это место для всех.

Англичанин присел, держа в руке турецкий грушевидной формы стаканчик с яблочным чаем. Чай был горячий, он хорошо согревал на холодной верхней палубе. Дул ветер, над пароходиком вились назойливые чайки

– Хорошо согревает. А вы почему не пьете чай?

– Мне не холодно.

– Ну, да... русский медведь из Сибири.

---

⁵ Итальянская экранизация романа А. Платонова «Третий сын», перенесенная на итальянские реалии, в ней снимался и Микеле Плачидо. В 1981 году фильм получил четыре высшие награды итальянского кино.

– Я родился в Севастополе.

Англичанин допил чай. Сделал знак чтобы принесли еще два.

– Закажу и на вас. А пока мы бы хотели получить объяснения.

– По какому поводу?

Англичанин достал из просторного кармана фотографию и передал ее русскому.

– Это изъяли в Белфасте. Из нее были застрелены два британских солдата.

– Как жаль...

– Это не ответ.

– Почему же, ответ.

Англичанин никак не мог нащупать нить разговора.

– Вы начинаете войну против нас?

– Нет.

...

– Вы ее начали первыми. И ведете.

– То есть?

– Афганистан. Вы же поставляли туда снайперские винтовки. И ракетные установки «Милан», которые вы поставили, чтобы не связываться с американскими образцами. Но «Стингеры» вы поставили американские, потому что ничего подобного у вас не было.

– Это американские поставки.

– И ваши тоже. Какого черта? – взорвался англичанин –

я не поверю, что вы не знаете. У нас нет денег на то, чтобы спонсировать такие акции. Мы – не вы! Нам не дают столько, сколько мы попросим.

Русский сделал примирительный жест рукой.

– Мы понимаем. И тем не менее, Дэвид, реальность такова – в Афганистане гибнут наши солдаты. Это происходит потому, что оппозиция получает помощь деньгами и оружием. Мы так же будем оказывать помощь деньгами и оружием всем, кто попросит.

...

– Если хотите, чтобы этого не было – пусть ваша миссис Ти надавит на Рейгана. Иначе это будет продолжаться.

Англичанин помолчал, переживая гнев. Потом сказал:

– Ты понимаешь последствия, Юрий. Я думал, вы умнее.

– Последствия...

Русский потянулся в карман, англичанин напрягся. Но русский достал только кусок булки, и начал крошить его для чаек. Чайки ловили хлеб, который русский им бросал на лету.

– Знаешь, в чем разница между вами и нами, Дэвид? Долгое время мы пытались доказать, что мы – цивилизованная страна, что с нами можно иметь дело. А вы ничего не пытались и не пытаетесь доказать, поскольку ваша цивилизованность предполагается, так?

...

– Потому мы, пользуясь футбольной терминологией, иг-

рали по правилам. В то время как вы – нет. От того мы пропускали мячи. Но это закончилось. Мы больше не пытаемся выглядеть цивилизованной страной. И нам плевать, что о нас подумают. Нам больше нечего терять. Детанта больше нет. Доверия больше нет. Есть только Черный тюльпан. И пока он есть – вы тоже будете терять своих сыновей. Как мы теряем своих.

– А ты уверен, что вам нечего терять? – зло сказал англичанин

– Намекаешь на то что организуешь теракт у нас?

– Я этого не говорил.

– Но намекнул. Что ж, попробуй. Скорее всего, у тебя ничего не получится. Но если даже и получится...

...

– Знаешь, у меня есть сын. Он живет с матерью в Ленинграде. Он комсомолец, но покупает на черном рынке пластинки Битлс и слушает их.

– Я мог бы привезти, если бы ты сказал.

– Знаю. Но не в этом дело. Поколение моего сына не видит в вас врага. Оно видит только джинсы и Битлс. Может, хорошо если увидит?

Москва, Ходынское поле.

Основное здание ГРУ

ГШ. 20 июля 1988 года

– Долбо...ы.

Короткое слово... русский язык полон такими вот богатыми смыслом словами, способными передать целую гамму чувств и эмоций одним словом.

– Как вам только в голову такое, б... пришло.

– Другого выхода не было, товарищ полковник.

– Был приказ, твою мать! И ты его нарушил! Ты и Бахметьев! Но про него отдельный разговор, а сейчас речь о тебе.

– Другого выхода не было, – упорно повторил Николай.

Цагоев ударил кулаком по столу

– Ты хоть понимаешь, е... твою мать, что стоит на кону?!

Что вы поставили на кон своими действиями? Посольство! Торгпредство! Со всем обозом, бабы, б..., дети! Ты хоть понимаешь, что они теперь у Саддама в заложниках! Из-за вас!

– Саддам Хусейн предал нас, товарищ полковник. Он продался американцам. И он – фашист. Настоящий фашист и предатель. Когда мы поняли это, в Багдаде уже шла высадка американского спецназа. Если бы мы не вывезли генерала Рашида, у Советского союза не осталось бы друзей в Ираке. Живых – друзей.

– Ты должен был выполнять приказ! Какого... Ладно. Сиди здесь. Никуда не выходи. И молись, чтобы Чукоткой отделаться. Потому что за такое к стенке ставят.

– Товарищ полковник...

– Ну?

– В Ираке – что?

– В Ираке – ж...! Часть армии на стороне Рашида, часть – за Саддама, часть – ни за кого. Иранцы начали наступление. Саддам держит сифару⁶ нашу под прицелом, требует выдать ему Рашида. Как будто мы его контролируем... Молчишь? Правильно. Раз сказать нечего.

– Есть что сказать, товарищ полковник.

– Ну?

– Рашид – коммунист, армейский коммунист. И я тоже. Я поступил, как коммунист.

Цагоев ошеломленно молчал. Потом – собрал папку, достал из ящика стола другую, запер стол на замок.

– Сиди здесь.

...

Цагоев появился часа через три, когда Николай уже устал ждать. Лицо у него было какое-то... то ли хитрое, то ли злое.

– Значит, так... – Цагоев говорил отдельными словами, как камни в пруд бросал, – в отношении твоих действий в Багдаде. Коллегия сочла твои действия... обоснованными. Соответствующими складывающейся обстановке. За неав-

---

⁶ *Посольство.*

торизованную активность принято решение ограничиться строгим выговором. Который я тебе сейчас и объявил.

Цагоев сел на свое место, зачем то посмотрел в окно, которое никогда не открывалось.

– Повезло тебе, дураку. За то, что ты натворил – полагается вышка, да сейчас такая каша там заварилась. И генерала Рашида ты вывез... очень кстати, без него у нас совсем бы козырей не осталось. Так хоть что-то. Все, б..., просрали, сейчас там второй Афган будет.

Цагоев добавил несколько слов на своем языке. Скворцов встал.

– Прошу разрешения вернуться в Ирак!

– Чего?.. Куда тебе, идиоту, в Ирак? Засветился ты там хлеще некуда, саддамовская охранка тебя всю жизнь теперь искать будет, и моли Бога, чтобы не нашли. Б... Заварил кашу, не расхлебаешь. На Ближнем Востоке теперь тебе появляться нельзя ни под каким видом. Пока Саддам жив, по крайней мере. Здесь тебе тоже лучше не маячить. У тебя как с языками?

– Английский, немецкий, японский...

– Это откуда такая роскошь?

– Родители в Японии в посольстве работали.

– А остальные?

– Английский, немецкий – в школе. Школа для детей дипломатиков, там два языка учили.

– Немецкий значит. Помнишь?

– В пределах. Если надо, подучу. Это, как на велосипеде...

– Велосипедист хренов.

Цагоев задумался, потом достал из ящика стола прошитую и опечатанную телефонную книжку, пролистал ее, нашел нужный номер. Взялся за телефон.

– Ерофеич, ты? Цагоев беспокоит. Да, богатым буду. У тебя что есть по твоей линии? ГДР желательно. Ну, как?.. В пределах школьной... Да, из моих, Афган прошел. Да? Ну, спасибо, век не забуду.

Положил трубку

– Долечивайся. Пройдешь медкомиссию. Признают годным, явишься в штаб ОВД, к полковнику Сметанину. Он тебя оформит в штаб ГВСГ. От организации Варшавского договора. Там скажут, что делать. Имей в виду, коммунист. Там выскочек не любят. Инициативников тоже. Инициатива имеет своего инициатора, слышал? Там не Афган, законы совсем другие. Рыпнешься – в момент прищучат. Народ там гнилой, с активистами разбирается в два счета. Все на квартиру зарабатывают, и лишние проблемы никому не нужны. Полетишь обратно невыездным, с такой сопроводилкой, что ни одна тюрьма не примет. Я тебя предупредил.

Николай, не понаслышке знавший нравы советского дипломатического сообщества, лишь кивнул

– Разрешите идти?

– Иди...

Когда дверь за Скворцовым закрылась, Цагоев с горечью

сказал

– Дурак, б... Сломают дурака не за понюх табака...
Хотя он когда-то и сам был таким же.

Подмосковье. Санаторий МИД СССР. 30 июля 1988 года

А отец с матерью, похоже, разводятся...

Нет, он и раньше подмечал... Просто раньше – пока ездили по заграницам, разводиться было нельзя, иначе в следующий раз не выпустят. Облико морале и все такое... советский МИД отличался ханжеством и дуболомством в этих вопросах. Развёлся, значит, морально неустойчивая личность, почти не советский человек. И он был еще слишком мал, чтобы понимать истинную подоплеку отношений родителей. Но сейчас он видел то, что он видел – двух чужих людей, пытающихся как-то ужиться вместе ради карьеры, квартиры, возможностей поездок за границу... да и просто ради того, чтобы не осуждали окружающие.

Нет, он никогда не видел, чтобы отец бил мать или что-то в этом роде. Просто это отчуждение бросилось в глаза именно сейчас, когда он вернулся домой из разгромленного Афганистана, из пропитанных кровью песков Ирака... он вернулся, и понял, что у него есть квартира. Не дом.

Он поехал с родителями на какие-то «шашлыки» в поселок МИДа – дачный поселок Союз. Раньше туда было не попасть, но сейчас нравы стали свободнее, да и не сезон. Все в Крыму. Так-то. У матери и у отца были две отдельные ком-

пании, мужчины жарили шашлыки, женщины – говорили о командировках мужей, о том, кто что купил, привёз, продал, что можно купить на чеки – открыто, уже не стесняясь. Николай чувствовал себя чужим и там, и там... Хотя он знал, для чего его позвали сюда, и для чего столь настойчиво мать требовала, чтобы он сходил в парикмахерскую, а потом примеряли костюмы отца...

Смотрины...

Как и во всех министерствах – в МИД его работники представляли собой закрытую касту, попасть в которую было очень и очень непросто. Эти люди заканчивали одни и те же учебные заведения, они говорили на одном и том же языке, полным намеков и недомолвок, понятных только своим, они одинаково одевались, получали одни и те же наборы, моментально находили свое место в иерархии, будь то посольство или отдел МИД, мечтали об одних и тех же должностях. Многие из них отправлялись в командировки, ничего не зная и не желая знать о стране, в которую они направляются, а то и презирая ее – просто заграничная командировка была вожаделенной мечтой каждого, так как там платили чеками. Чеки, кстати, были трех типов – капстрановые, соцстрановые, и специальные, какими платили например офицерам в Афганистане, с чертой.

Многие из них не могли достойно представлять свою страну, потому что не верили в нее и втайне презирали...

Но он был одним из них просто благодаря своему проис-

хождению. Достоин, пока не доказано обратное...

Короче говоря, это были смотрины. Дети дипломатов, дочери и сыновья. Понятно, что родители хотели, чтобы дети тоже стали дипломатами и их выпустили в вожделенную заграницу. Конечно, не всем повезет представлять государство рабочих и крестьян в капстранах, таких как Великобритания, США, ФРГ или Франция. Но и страны второго, и даже третьего мира – неплохо. Потому что там свобода торговли, даже в африканских странах, и там можно купить то, чего не купишь в «великом и могучем». По коридорам МИД ходили легенды, наподобие той, как имярек вывез чемодан кипятильников, которые тут стоят гроши, а вернулся, чуть ли не с чемоданом алмазов, которые там под ногами лежат...

Но на пути в вожделенное Закордонье стояло много умело расставленных ловушек. И правильное происхождение с образованием – тут не главное. Точнее, это надо – но не только это. Выбор спутницы или спутника жизни – не менее важен: неженатому за границу поехать невозможно, не выпустят – а вдруг он невозвращенцем станет? Если у второй половинки проблемы с анкетой – тоже не поедешь, будешь в лучшем случае штаны протирать в каком-нибудь департаменте МИД. И если ошибся – второй попытки уже не будет. Разведённому – тоже не дадут разрешение на выезд – морально неустойчив.

И потому-то мальчики и девочки из дипломатических семей – как сапёры, ошибаются в выборе только один раз. Абсолютное преимущество имеют те, родители которых уже

побывали в заграникомандировках – если их выпустили, значит, точно проверяли, никаких проблем с анкетой нет. Но выбор был небогат, выпускали из Союза далеко не всех...

Николай с этой точки зрения был не худшим вариантом. Пусть и военный, но родился в правильной семье и сам уже выезжал за границу. Потому-то так и суетилась мать... и не было в этом во всем суетливом мельтешении – ни любви, ни чести, как он их понимал. А понимать их – он начал в другой стране, много лет назад...

Япония. Токио. Много лет назад

Токио, просыпающийся многомиллионный мегаполис. Раннее утро. Луч света ползет по вылизанному до матового блеска полу додзе.

Сенсей сидит на полу. Перед ним – восемь учеников, все – мальчишки. Выделяется один из них – явно европейскими чертами лица.

Луч доползает до первого из учеников.

– Хаджиме!

Все выполняют традиционный поклон. В углу – фотопортрет пожилого японца. Это Морихей Уесиба, основатель современного каратэ.

– Ре!

Все пацаны – одним движением вскакивают в стойку...

...

– ...Я знаю, ты должен нас покинуть.

– Да, сенсей.

Парнишка с европейскими чертами лица стоит перед сенсеем. Чуть в стороне его друг – он его сюда и привел. Началось все с того, что они подрались в школе – и маленький японец победил сильного, владеющего приемами странного рукопашного боя под названием «самбо» гайджина. Драка, как обычно и бывает в этом возрасте, – переросла в дружбу.

Учитель и ученик говорят на английском – сенсей выучил

его в лагере для военнопленных. Он прикинулся обычным шофером, возившим полковника – американцы так и не поняли, кто на самом деле попал к ним в плен.

Учитель достает письмо.

– Когда вернешься в свой город, отнеси это письмо в японское посольство. Спросишь господина Секу Асегуру, отдашь ему письмо, он продолжит твоё обучение.

– Спасибо, сенсей, – парнишка кланяется

– Господин Секу Асегуру лучший сенсей, чем я, он научит тебя большему, чем когда-нибудь смог бы дать тебе я, но кое-что ты должен запомнить. Энергия, вызванная бу – боевыми искусствами – это как вода. Ты можешь налить ее во флягу. Можешь разлить. Можешь выпить сам, а можешь угостить водой страдающего от жажды. Решать тебе...

...

– И еще. Бесчестие – как шрам на дереве – с годами он становится всё больше и больше. Избегай бесчестия.

Двое парнишек кланяются и уходят – японец и советский. К сенсею подходит один из его «продвинутых учеников», который ждет экзамена на черный пояс, а сейчас живет в доме учителя и сам ведёт несколько детских групп. На лице его недоумение...

– Со всем уважением, сенсей...

– Говори, Ито, я же вижу, что ты хочешь что-то сказать.

– Сенсей, зачем вы научили этого маленького русского?

Он же коммунист, он наш враг.

Сенсей качает головой.

– Ты так ничего и не понял, Ито. Можно получить черный пояс, можно получить высокий дан, но стать самураем – это совсем иное.

...

– Главный враг самурая – это не советские, не христиане и даже не враги его хозяина, как сказано в некоторых книгах. Главный враг – бесчестие.

...

– Маленький русский пришел сюда, в зал, потому что дети в этом возрасте инстинктивно понимают, что такое честь и что – бесчестие. Коммунистические варвары не знают что такое честь, и это прискорбно. Он пришел сюда, чтобы узнать, и если я хоть немного помог ему стать самураем – значит, я сделал большое дело для Японии. Не только японец может быть самураем, запомни это. Самурай – это не национальность. И даже не владение бу. Не всякий, кто владеет бу – самурай, хотя все самураи владеют.

– Но господин Секу Асегуру, к которому вы дали письмо – не самурай⁷! Он из северных провинций, он...

---

⁷ Скорее всего, Секу Асегуру – ниндзя. Ниндзя и самураи – это не одно и то же и ниндзя – никак не продвинутый самурай. Самураи – это средневековая военная аристократия. Ниндзя – это деклассированные крестьяне с северных территорий, потерявшие землю и ставшие наемными убийцами. Ниндзя были наемниками, но они никогда не соглашались убить простого человека – потому люди их никогда не выдавали. Не раз сёгуны пытались полностью истребить ниндзя – но это невозможно. Ниндзя существуют до сих пор, как и их учение.

Учитель внимательно смотрит на ученика, и тот осекается
– То-то же. Убери зал. Сегодня уборка на тебе.

Подмосковье. Санаторий МИД СССР. 30 июля 1988 года. Продолжение.

– Николай, ты чего тут сидишь? Пошли к нам, шашлык уже готов...

Отец – взял его за руку, повел за собой. Шепнул по дороге:

– Веди себя нормально. Ради матери...

Шашлык действительно уже разбирали. Это были люди, которые были знакомы с детства... Свой круг, своя среда. Люди, для которых вершина жизненного успеха – это место в МИДе или Внешторге, которые хвастаются друг перед другом своими заграничными поездками и тем, что в них удалось купить. Эта жизнь должна была быть и его жизнью. Но не стала. Возможно, потому, что когда-то, в Токио ему сказали: путь самурая – смерть.

– А воину-интернационалисту оставили?

– А как же!

Николай поморщился... он никогда не считал себя воином-интернационалистом, и не искал себе никаких льгот и особого отношения. Да и война эта... Какой к черту интернационализм? Интернационалистов там... Обычная это резня. Восточная, пахнущая кровью и дерьмом...

Шашлык был хорошим – все-таки профи готовили. Под

коньяк – «Курвуазье», не что-то там... заговорили о политике...

– Позвольте, Игорь Ильич, позвольте. Мы не можем, просто не имеем права поддерживать Хальк. Ну и что что они сильнее? А где ваша большевистская принципиальность?

Дурак... в ж... там вся большевистская принципиальность. Все твои слова про большевистскую принципиальность здесь – это просто красивые фразы в разговоре, а там – обгорелое мясо на рыжей от огня броне.

И те пацаны, которые там остались, – в гробу видали твою большевистскую принципиальность.

Николай встал.

– Ты куда? – моментально насторожился отец.

– Живот... скрутило.

Пошел к двухэтажным коттеджам – дамы отдыхали там, это мужчины пошли на свежий воздух мясо жарить. Горели окна... перед самым домом он скрал шаги...

– Ну... вот и жених твоей Лилечке. Старший лейтенант; немного подтолкнуть – генералом будет...

– Нет... нет, Ириш, нет. Ты его глаза видела? Сидит, молчит...

– *Может, и хорошо. А то иные как начнут говорить – так лучше, чтоб молчали...*

– *Нет... нет. Этот интернационалист еще нас ночью вырежет. О чем только думала Люба, сына в армию отпустила. Денег врачам пожалела?*

– Ты про Настю слышала? У Караваевых старшая?

– Нет.

– За еврея замуж вышла...

Не заходя в дом, Николай пошёл к дороге. Где автобусная остановка – он запомнил еще по дороге сюда.

Москва, Кремль. Заседание особой рабочей группы по подготовке экономической реформы. 30 июля 1988 года

В это же самое время – председатель Президиума Верховного совета СССР, товарищ Алиев – в своем кабинете в Ясе-нево принимал человека. Разговор, как ни странно, тоже шел о наболевшем – об экономической реформе.

Посетитель у главы государства был тоже непростой. Дмитрий Васильевич Валовой – доктор экономических наук, редактор правительственного журнала «Экономический вестник», первый заместитель главного редактора газеты «Правда», редактор экономического отдела «Правды», член Комитета народного контроля СССР. Несколько лет назад он написал записку в которой предсказал, что до 2000 года СССР рухнет ввиду проблем с экономикой. Это было при Брежневе, записку положили под сукно, а Валовой приобрел себе влиятельного врага в виде Бориса Гостева, заведующего отделом плановых и финансовых органов ЦК КПСС. Но сместить зам главного редактора «Правды – у Гостева сил не хватило.

Третьим собеседником был академик Степан Ситарян.

– Проверили?

Ситарян поежился. Он всегда ощущал себя не в своей тарелке в присутствии Алиева. И не только потому, что Алиев был генералом КГБ, но и потому, что имел обширный хозяйственный и управленческий опыт и что-то скрывать от него, приукрашивать, а тем более лгать Гейдару Алиеву было очень опасно. Он сочетал в себе качества генерала КГБ и опытного управленца с большим хозяйственным опытом, много лет управлявшего целой союзной республикой. Подобного человека на верхушке не было со времен Берии, а от самой этой фамилии – многих до сих пор бросало в пот. Алиев кстати об этом знал, он даже читал дело Берии...

– Всё проверили, Гейдар Алиевич.

– И?

– Оказалось даже хуже.

Алиев сцепил пальцы в замок.

– Сколько?

– Около сорока.

Всё. Приехали.

Речь шла о том, что Валовой в записке называл двойным счетом. Все было проще простого – например, Камский автомобильный завод делает автомобиль Камаз и его госцена, к примеру, – пятьдесят тысяч рублей. Всё хорошо. Но дальше он идет на другой завод, в Нижнекамск, там на него вешают кузов стоимостью десять тысяч рублей – и теперь он стоит шестьдесят тысяч. Вроде бы все правильно: пятьдесят плюс

десять – равно шестьдесят. Правильно, да не совсем – дело в том, что произведено продукции на шестьдесят тысяч, а фонд оплаты труда, который считается в процентах от объема выпущенной продукции – будет как за сто десять.

Казалось бы незначительный изъясн – но порой безо всякого на то смысла полуфабрикат передают с одного завода на другой по три-четыре раза, чтобы накрутить себе ФОТ, получить премии – и все это расходы, начиная хотя бы с того что самосвальный кузов можно и на основном конвейере поставить, не надо машину в другой город гнать. Но гонят. Потому что кушать хочется всем. Вот так и выполняют задания партии и правительства.

А сорок – это сорок процентов дутых цифр. То есть по бумагам создана добавленная стоимость, все эти цифры включены в выполнение плана, кто-то зарплату получил, премию. А на деле – добавленной стоимости нет, платить – не за что. Но платят! Сорок процентов зарплаты – платится ни за что.

То есть, сорок процентов советского ВВП – это, выражаясь словами антисоветчика Солженицына, – туфта. И, что страшнее всего, Солженицын, получается – прав.

А потом удивляемся – почему нет товаров на полках? Да потому что они не произведены!

Или вот еще, из жизни экономики развитого социализма. Придумали на одном заводе часть деталей в станке заменить с дорогих цветметных – на дешевые пластиковые. Новый пластик изобрели – больше не надо тратить медь, и ста-

нок даже лучше работает. Сделали?

Нет! Потому что план рассчитывается в рублях, и если снизить себестоимость станка, то ты не получишь не только премию – но и часть зарплаты. И план не выполнишь. Потому что произвел в штуках столько же – а в деньгах меньше.

Вот и получается, что советская экономика заточена не на экономию, а наоборот – на максимальное расточительство. Чем хуже тем лучше!

Или. Один и тот же завод – производит шины для БелАЗа и для Жигулей. В шинах для БелАЗа трудозатраты допустим один процент от стоимости, а в шинах для Жигулей – пять. А сырье одно и то же. Что сделает директор ради получения премии?

Правильно! Произведет побольше шин для БелАЗа, которые никому не нужны и которые лягут на склад, и недодаст шины для ВАЗа – а тот остановит конвейер. Накажут этого директора? Нет! План в рублях он выполнил!

А самое плохое – что чаще всего товарами с большой стоимостью труда в них – являются как раз самые простые потребительские товары – вилки, чашки, ложки, прищепки – которые гигантов советской индустрии просто заставили делать. Они и делают – из-под палки. Двадцать, тридцать процентов плана по ним выполняют – и ладно. Доберут колесами от БелАЗа, омертвят государственные средства, получат премии...

А на полках пусто.

Или – строители. Вышли на объект, смотрят по смете. Какие работы самые затратные с точки зрения материалов и менее затратные с точки зрения труда. Например, обычно самое материалоёмкое и наименее трудоёмкое – это выкопать котлован. Дальше идет каркас здания и коммуникации. А самое трудоёмкое – это отделка. Вот и делают советские строители всё для получения премии – вышли на объект, котлован выкопали, коробку поставили – и бросили.

Деньги освоены. Зарплаты и премии получены. А объект не введён. Просто коробка стоит. Некоторые, у кого совесть еще осталась, – достроят потом, потихоньку. А кто-то просто бросит – достраивай, заказчик, хозспособом. То есть сам.

И главное – все формально правы. Ну, почти.

А деньги омертвили.

И такого вот долгостроя – по всему Союзу.

Вот как с этим быть?

Дмитрий Валовой – не сидел сложа руки, он писал записки всем, от Брежнева до Горбачёва. Копия последней – легла на стол Алиеву с другой адресацией – Горбачёву. Горбачёв, получив записку, переправил ее Рыжкову, тот благополучно «похоронил» ее...

Одним из важнейших оценочных показателей должен быть объем реализации с учетом выполнения договорных обязательств. Это главный рычаг реализации основного экономического закона социализма, и по существу, он является «пульсом» экономики. Могут сказать: этот показа-

тель и в настоящее время стоит на первом месте и является важнейшим. Так-то оно так. Но он только формально стоит (а точнее, прозябает) на первом месте. Он подобен английской королеве или японскому императору, которые формально провозглашены главами государств, а реальной власти для этого не имеют. Срыв задания по важнейшей номенклатуре и неполное выполнение хозяйственных договоров на экономику предприятий не оказывают должного влияния. Если выполняется план по реализации, то вступает в силу принцип: победителей не судят! А если невыполняется объем в рублях, то, как уже отмечалось, это больно бьет по экономике на предприятии: падают темпы роста производства и производительности труда, уменьшаются фонд зарплаты и отчисления в экономические фонды.

Надо сделать объем реализации с учетом договоров полноправным оценочным показателем, но этот объем должен определяться не на базе достигнутого уровня, а соответствовать общей сумме договорных обязательств. При этом очень важно в учете реализации ликвидировать «двойное» дно – когда обязательства по договорам срываются, а план по реализации выполняется. Эти показатели надо органически соединить. Сумма недопоставок по договорам, как правило, должна быть идентичной невыполнению объема реализованной продукции.

И в качестве экономического термометра, показывающего, нормально ли идет процесс увеличения вновь созданной

продукции, целесообразно использовать чистую или условно-чистую продукцию. Если предприятие срывает договорные обязательства, то само собой разумеется, что оно нуждается в «лечении». Надо установить «диагноз» и назначить курс «лечения». А если у него хороший пульс, а температура пониженная? Думается, ничего плохого нет, если все обязательства выполнены, но за счет снижения трудоёмкости или с согласия заказчика произведена замена более трудоёмкого ассортимента на менее трудоёмкий. Темпы не должны быть самоцелью. Это позволит устранить погоню за рублями и создать более благоприятные условия для перехода от затратного метода планирования и оценки работы хозяйственных звеньев к результативному.

Однако строгое соблюдение договорных обязательств еще не поможет дать ответ на вопрос: хорошо ли завод работает?

Первое: как используются производственные мощности? Чтобы пресечь стремление вырвать побольше капвложений и оборудования, надо иметь нормативы их использования. Материально и морально поощрять и наказывать за этот показатель.

Второе: снижается ли материалоемкость? Для поощрения этого процесса определенная доля сэкономленных средств должна оставаться на предприятиях в порядке стимулирования.

Третье: снижается ли трудоемкость продукции?

Фонд зарплаты должен находиться в прямой зависимости от количества фактически выпущенной продукции и ее трудоемкости. Наиболее целесообразно использовать для этой цели показатель НЧП. НЧП в нынешнем виде для этой цели не годится, так как в ней заложен разный уровень рентабельности. А в результате равное количество и качество труда, занятого на выпуске разной по рентабельности продукции, создают неодинаковый объем НЧП. По этой же причине НЧП не может быть достоверной базой и для норматива производительности труда: труд рабочего, занятого на высокорентабельных изделиях, будет более производительным, чем на малорентабельных.

Четвертое: снижается ли себестоимость, повышается ли рентабельность?

Пятое: растет ли фондоотдача?

Шестое: каково качество продукции?

Образно говоря, для наиболее достоверной оценки вклада хозяйственных звеньев в конечную продукцию и рационального сочетания общественных и коллективных интересов нужна научно обоснованная система показателей, рычагов и нормативов, учитывающая объективные экономические законы.

Могут спросить: а не много ли показателей? Не ограничится ли в этой связи самостоятельность предприятия и объединений? Думается, что такие опасения неоправданны. И вот почему. Большинство названных показателей фор-

мально определяется и сейчас. Но они не имеют реальной власти и не оказывают должного воздействия на повышение эффективности производства. Изучение капиталистического опыта показывает, что количество расчетных аналитических показателей не ограничивает самостоятельности руководителей. Ограничение происходит в условиях, когда показатели не стыкуются, противоречат друг другу и директор из трех зол должен выбирать наименьшее. Если он выполнит в полном объеме договоры, то недовыполнит объем реализации. Чему отдать предпочтение?

*Или: если он выполнит полностью задание по важнейшим видам продукции, то не сможет обеспечить коллектив зарплатой. Качество продукции всегда находилось в определенном противоречии с ее количеством. Поэтому суть вопроса не в количестве показателей, а в их качестве!*⁸

Но теперь Горбачева не было. И все приходилось начинать заново. С самого начала.

– Степан Арамаисович, у вас есть какие-то мысли по этой записке?

Ситарян старался не встречаться взглядом с Председателем Президиума – опасно. Особенно сейчас, когда вскрыли заговор в армянском КГБ, да такой, что разогнали всё управление, когда гремело дело о буржуазном национализме в Армянской ССР, когда шли разговоры о том, чтобы вообще на время передать Армению под прямое управление Москвы...

---

⁸ Записка подлинная

– Наказывать надо... – глухо сказал он

Алиев нехорошо улыбнулся

– Кого?.. Кого наказывать? Если преступление совершают все, может, это уже и не преступление? А?

Алиев повернулся к Валовому.

– Ваше мнение?

– Необходимо полностью перерабатывать основу управления народным хозяйством, Гейдар Алиевич. Система показателей уже не отвечает потребностям текущего момента. Фонд оплаты труда в проценте от вала – это корень порока, и это доказано практикой не раз.

Алиев сделал неопределенный жест рукой.

– Ну, будут новые показатели. Думаете, не научатся обходить?

...

– В сущности, у нас сложилось две экономики. Одна официальная – с перевыполнением плана, с победными рапортами Съезду. И другая неофициальная. В которой на одного пойманного спекулянта – десять-двадцать непоиманных. А не получается ли, что у нас уже два общества? Одно социалистическое, а другое...

Вопрос повис в воздухе.

– Что вы думаете о югославском пути, Дмитрий Васильевич? Тут мне записку ленинградцы положили – в рамках готовящейся экономической реформы. Превозносят, как панацею от всех бед. Гайдар и еще, как его... – Алиев сверился с

какими-то бумагами на столе. – Чубайс. Фамилии конечно...

– Что-то можно позаимствовать, – сказал Валовой, – но в целом югославский опыт для нас неприменим. Он только навредит. Сами югославские экономисты предупреждали нас – не идите по нашему пути. Набьёте шишек.

– Интересно. Почему же?

– Югославский путь представляет собой попытку совместить капиталистическую и социалистическую системы. В ней каждое предприятие – это своего рода кооператив, он принадлежит рабочим, которые выбирают себе руководство – там оно выборное. Они не обязаны подчиняться государственным ценам и мерилom успешности работы для них выступает прибыль.

– Чем-то напоминает НЭП.

– Да, только для повышения прибыли есть два пути. Первый – внедрять новую технику, осваивать новые изделия. Второй – поднять цены. Многие идут по самому простому пути.

– Но разве государство не контролирует цены? Хотя бы количеством денег в экономике?

Валовой покачал головой.

– Не совсем так. Их экономика намного более открыта чем наша. Они могут самостоятельно поставлять свой товар на экспорт и многие так делают. Я видел агропромышленные объединения, в которых у каждого колхозника есть дом и личная машина. Они – миллионеры, так как весь товар по-

ставляют на экспорт, в ближневосточные страны. Но у себя дома цены растут. Кроме того, они сами распоряжаются прибылью, как хотят. Многие агропромышленные объединения, например, вместо того, чтобы покупать новую технику, внедрять мелиорацию – строят на взморье дорогие пансионаты для туристов – они окупаются быстрее. Но в экономике нарастают перекосы.

– Какие именно?

– Ну, например, между республиками. Там не проводится политика выравнивания. Знаете, что в Белграде, столице страны только пару лет назад начали строить метро... Это потому, что республики не хотели выделять деньги. Вообще-то у их экономической системы есть и сильные стороны, повторюсь. Бюрократии намного меньше, особенно в вопросе экспорта. Если что-то пользуется спросом за границей – продавай. Покупать заграничное тоже намного проще, чем у нас. Конечно, им проще, у них Европа совсем рядом. Они очень много зарабатывают туризмом, у них есть даже специальные магазины для иностранцев – они торгуют в динарах, но цены выше в несколько раз. Но... сильные стороны порождают и проблемы. Например, я был там в самом начале семидесятых, тогда Хорватия была в числе середняков. Но у нее лучшее побережье, большая часть побережья страны. Сейчас все оно застроено пансионатами, приезжают иностранные туристы, оставляют большие деньги. И вот уже Хорватия задается вопросом – а зачем с кем-то делиться?

Или я уже упоминал – есть специальные места для торговли для туристов. Цены там бешеные. Бутылка воды может стоить в десять раз больше чем в обычном магазине. Получается, что в обычном магазине товара нет, а в туристическом...

...

– Жадность порождает совсем не социалистические на-строения.

– Ваше мнение, Степан Арамаисович.

– Согласен с товарищем Валовым.

Алиев иронически посмотрел на академика

– Со всем сказанным?

...

– Новую систему показателей для промышленности раз-рабатывать безусловно надо. От этого никуда не уйдем. Во-прос в другом – для Уралмаша и для столовой – должны быть одни и те же показатели? И какой смысл нам управлять сто-ловой – может, заняться Уралмашем?

...

– Проработайте несколько вариантов показателей, Степан Арамаисович. Вон, «Правду» подключите. Один обяза-тельно с упором на прибыль. Уралмаш на прибыль работать не должен, он не для этого создан, а столовая... а почему бы нет? Я кстати, ваши статьи по дефицитам тоже прочитал, Дмитрий Васильевич. Очень правильные моменты там есть.

...

– При Сталине работали артели, была промышленная ко-

операция. Выпускали ту продукцию, о которой вы пишете, – с высокой долей ручного труда. И продавали на базаре. Сколько бы она не стоила – а дефицита не было, производили столько, сколько нужно и то, что нужно. Но нет – угробили всё. Теперь оборонные, прочие машиностроительные заводы – в нагрузку производят скрепки, ложки, чашки, кастрюли. У директора завода, который выпускает ракеты, голова болит из-за плана по сковородкам!

...

– Проработайте восстановление системы промкооперации. Это всё.

...

В коридоре Ситарян остановился. Оперся об стену.

– Что? – забеспокоился Валовой – Сердце?

– Да нет... Зачем ты полез только... Жили люди спокойно – нет...

– Ты понимаешь, что если ничего не менять, к двухтысячному нас ждет крах? В моих расчетах это есть. Страна развалится.

– Да какой крах?.. Скажешь тоже.

Москва, Кремль. Кабинет Председателя Президиума Верховного совета СССР. 30 июля 1988 года

Новым собеседником Алиева – был некто Ельцин, который при Горбачеве стоял в кадровом резерве. Его уже успели принять кандидатом в Политбюро и присматривали на должность Госстроя – ведомства, которое намечалось усилить в связи с выполнением программы Жилье-2000.

Сам Борис Николаевич имел нетипичную для советского партийного и государственного деятеля биографию – чем он и привлек Алиева. Из кулацкой семьи, деды арестовывались – но один из них на стройке из эков шагнул в прорабы – его почти сразу и выпустили на волю. Организатор, судя по запискам начальника лагпункта – штучный. Неплохим организатором был и сам Борис Николаевич. Изначально строитель, он привлек внимание еще молодого Брежнева тем что сумел построить пятиэтажку за семь дней – рекорд по Союзу. Довольно быстро его поставили Первым в Свердловской области – а область непростая, по производству – сравнима с иной союзной республикой. На посту Первого Ельцин отличился тем, что инициативно внедрял некоторые элементы

хозрасчета и заинтересованности еще до того, как об этом стали говорить в Москве. Так Свердловск был лидером Союза по кооперативным методам строительства жилья – государство предоставляло землю, стройматериалы, помощь – а очередники в свободное от работы время участвовали личным трудом в строительстве и получали квартиры без очереди. Алиев уже понимал истинную суть этого нововведения – очередники своим трудом закрывали не рытье котлованов, а самые нелюбимые и трудоемкие строительные работы – отделочные. Так как на стройтресты и их ФОТ это не ложилось, они не теряли в зарплате от этих трудо и зарплатоемких работ – стройтресты выполняли работы по кооперативам в первую очередь. И там где другие только присматривались, у Ельцина уже поставили целый микрорайон, да какой – с высотками. Со всем благоустройством.

Но Алиева он привлек не этим... получается, он осознал порочность системы, вскрыл корень ее порока, но вместо того чтобы бороться – обратил этот порок в пользу. Перестроил систему так, что этот порок превратился в личную заинтересованность – и получил прекрасный результат, какого никто не смог получить. Вот именно поэтому Алиев и выбрал Бориса Ельцина – ему нужен был человек, который будет не бороться с пороком (это уже невозможно), а использовать его для движения вперед, в нужном направлении.

Сейчас Борис Николаевич Ельцин сидел напротив него, стараясь не показывать своих чувств и эмоций. Он был пар-

тийным человеком, всегда подчинялся партии – хотя входил в немногочисленную группу первых секретарей, которые предпочитали лично заниматься хозяйством, а не болтологией. Но он человек Горбачева – а значит, можно ждать всего чего угодно. И он русский. А сейчас похоже мусульмане к власти идут. Вон, говорят, с Казахстана предсовмина в Москву забирают, Назарбаева. Хотя Кунаев рад от него избавиться...

– В восьмидесятом году – сказал Алиев – вы как то узнали про судьбу людей, до сих пор живущих в деревянных бараках еще тридцатых годов постройки...

Ельцин выругался про себя. Так вот что раскопали...

– ... вы распорядились предоставить им благоустроенное жилье в обход установленной процедуры и жилищной очереди. Почему вы так сделали, Борис Николаевич?

– Не для себя же – буркнул Ельцин – для людей.

Алиев помолчал

– Вы помните, в семьдесят девятом у вас была проверка по области.

...

– В штат проверяющих входил и психолог... не удивляйтесь, так нужно было. Он отметил одну вашу психологическую особенность. Очень низкий порог терпимости к несправедливости. Как вы сами ... согласны с этим?

– Эти люди – сказал Ельцин – здоровье гробили... край строили... а мы им не можем квартиру дать. Сколько денег в

землю закапываем... а люди до сих пор в бараках. Разве это развитой социализм?

– Конечно, нет. Никаким социализмом тут и не пахнет. Бардак это.

Ельцин вздрогнул. Таких слов – в этом кабинете никто не слышал... может со времен Ильича. Первого – Ильича.

А Алиев думал. Человек, который ему был нужен, должен был обладать набором уникальных качеств, но главное – он должен был быть глубоко чужим для системы и не бояться ее ломать. Он не должен был входить в положение своих коллег – таких же первых секретарей. Потому что – хватит, доводились уже. Бардак бардаком, миллиарды лежат в земле, магазины пустые, корова доится в колхозе как коза, и никто не виноват. Он должен был обладать опытом комплексного руководства крупным регионом – чтобы разговаривать на равных, и чтобы не понаслышке знать проблемы, чтобы ему лапши на уши не навешать было. Он должен быть достаточно честолюбивым чтобы не быть продажным – а предлагать будут и много.

И еще его привлек отзыв бывшего первого секретаря области о Ельцине. Любое задание начальства Ельцин расшибется в лепешку, но выполнит.

– А как думаете, почему государство, которое обладает такими строительными мощностями – не может обеспечить всех нуждающихся граждан жильем?

– Да лентяи потому что – зло сказал Ельцин – этим за-

ниматься надо, а у нас же все бюрократия, начиная с генерального плана города. Они ж все устарели, их пересогласовывать... а линейные объекты, военные... они все по специальному порядку идут. Ну и... на показателях области промышленная стройка лучше отражается. А так...

Ельцин махнул рукой

– Ваш опыт хорошо известен по Союзу...

– Да там просто организовать людей надо было. Там и комсомольско-молодежные бригады были и сами очередники выходили... год... больше трудились. И построили. А когда человек сам, своими руками строит – совсем же другое дело.

– Это да. Только как то мы забыли...

...

– Борис Николаевич. Есть мнение назначить вас главой Госстроя.

Ельцин вдруг понял, что он – в седле.

– Доверие оправдаю – сказал он

– Но мое мнение, строительством пока может заняться и другой человек

Алиев отмахнул рукой

– Как смотрите на то чтобы возглавить Министерство госконтроля?

Ельцина мало можно было чем удивить. Но он удивился. И сильно.

– Я?

– Вы – резко сказал Алиев

– Но я же не... прокурор, какой-то. В контроле никогда не работал.

– Для прокуроров есть прокуратура. Ладно... ознакомьтесь-ка с этим

Алиев достал из стола папку и бросил на стол. Приглашающим жестом показал на нее – читайте...

У Ельцина чтение заняло минут десять, он читал быстро – опыт руководящего работника сказывался. Алиев все это время сидел молча, только прихлебывал время от времени гранатовый сок – прописали после того как было плохо с сердцем. Наконец, Ельцин положил папку на стол.

– Ну? Что думаете... только честно.

– А что тут думать – дипломатично отозвался Ельцин – кругом сейчас воруют.

На лице Алиева – отразилось разочарование

– Я вас не об этом спрашиваю.

...

Алиев подвинул папку к себе. Заговорил зло, с ядовитым сарказмом

– Бойтесь... по закону тут вышка... восемнадцать миллионов похищенного. А если так подойти? Не с правовой, а с государственной точки зрения?

...

– Одиннадцать подпольных цехов. Гостиница, три ресто-

рана и кафе. Все это создал один человек. С нуля. В то время как его соседи только и делали что писали в Ташкент, в Алма-Ату, еще куда и просили прислать то денег, то людей, потому что люди разбегаются, работать некому. А почему – разбегаются? Может, потому что ты условия не создал, а? А вот тут люди не разбегались. Шестьсот человек трудоустроено. Пусть и в подпольной экономике, но трудоустроено. И продукция этих подпольных цехов – не гниет на базах, расходуется. Ну и что делать? Расстреливать – или Героя Соцтруда давать?

Ельцин посмотрел на Алиева с неожиданным уважением. Алиев вдруг – первым за все годы, пока Ельцин был в системе – спокойно и открыто высказал то, что повторил бы каждый секретарь обкома, если бы не боялся. Пробивной, инициативный, горы свернуть может – но ворует. Что с ним делать? Сажать? А работать с кем? С тетями – мотями?

Вот и закрывали глаза. При Андропове— сами многие за это сели. Но проблема то – не решилась...

– Вот поэтому мне нужен на этом посту не прокурор. Прокурор не государственный человек, у него перед глазами одно только – закон. А нужно дальше смотреть, с государственной точки зрения. В теневой экономике есть не только воры. Есть люди, которые не смогли найти место в рамках системы – но делом доказали то что они могут организовывать, создавать, руководить. Сажать и расстреливать таких – правильно с точки зрения закона, но неправильно с политической,

с государственной точки зрения. Таким людям мы должны давать возможность разворачиваться, работать честно. Тем более с учетом нового закона о кооперации, который вот-вот пройдет через Верховный совет.

...

– А с другой стороны, есть люди, которые на первый взгляд ни в чем не виноваты. Но и не сделали они – ничего. Занимают не свои места, расходуют без толку ресурсы, губят предприятия. Пусть они и не виновны – но таких надо вовремя выявлять, отстранять, возможно даже и сажать. Особенно, если эти люди находятся в системе власти. В обкомах, в горисполкомах, в руководстве союзных республик. И для этого тоже нужен человек с государственным подходом.

Ельцин вдруг понял, что ему предлагают. Если он согласится, то от его мнения будет зависеть судьба практически любого чиновника страны. Он будет судьей и карателем всей системы.

– Итак?

– Я согласен, Гейдар Алиевич...

– Вот и хорошо. Можете идти, вас вызовут. Пока о нашем разговоре – ни слова.

Ельцин неуклюже поднялся, пошел к двери...

– Борис Николаевич...

Ельцин обернулся, стараясь не показать, как его напугали эти слова в спину. Он был не из пугливых – на стройке управлялся с бригадами уголовников. Но Алиева – человека

чужого, не русского и очень жесткого – он испугался. Такого не купить заверениями в собачьей верности – это для него само собой как для каждого восточного человека. Не спойть – он не пьет. Чужой он. Русского в нем нет ничего – язык только. А в остальном – жестокий восточный хан, вооруженный самой передовой в мире идеологией...

Алиев смотрел на него

– Да, Гейдар Алиевич

– Как переберетесь в Москву, навестите Четвертое управление. Там профессор Погоян занимается интересными разработками... гипноз при лечении. Закодируйтесь от тяги к спиртному. И мне доложите, как сделаете.

...

– Сейчас не до выпивки. Много дел. Очень много дел..

Москва. Объект АБЦ (архивно-библиотечный центр) КГБ СССР. 30 июля 1988 года

Примерно в это же самое время – неприметная черная Волга – свернула к такому же неприметному забору без красной звезды с тогда еще двухполосной МКАД. Сидящая в машине женщина цинично отметила – надо же, хорошее место нашли себе чекисты, прямо рядом с «Лейпцигом»⁹. Может, и отовариваются там же?

Ирина Липман не была воровкой в законе – она была простой заведующей секцией в Березке. Но это только потому, что закон запрещал давать воровскую корону женщине. Если бы не запрещал – то она несомненно, была бы Вором в законе.

Она с детства была умной. В девятнадцать лет выскочила замуж за 55-летнего еврея – ювелира и переехала из Баку в Москву. Закончила торговый техникум; связи супруга позволили сделать первые шаги на темных и скользких тропин-

---

⁹ Универмаг «Лейпциг» – в новом здании в Теплом стане с 1979 года, это филиал ГУМ. Известен тем что в свое время там была построена огромная модель железной дороги, по которой бегали поезда. Отовариваться в «Лейпциге» было шиком, а сам магазин в 80-е стал одной из мекк советского потребления. Существует до сих пор как торговый центр.

ках советской торговли, в которой должность рубщика мяса – престижнее должности профессора университета. Ветреный характер молодой жены стал причиной многих огорчений и скорой кончины пожилого еврея, после чего Ирина Липман окончательно освоилась в статусе «веселой вдовы» и начала двигаться уже сама, в короткий срок пройдя путь от заведующей отделом «Соки-Воды» до завсекцией в валютном магазине Москвы. А после падения Гришина и того, как наводился «порядок» в московской торговле, ей были открыты все пути вверх...

Да не судьба, видимо.

Обычно, советские торгаши стараются поддерживать хорошие отношения с ОБХСС и не высовываться – но не Ирина. Все-таки, она родилась не в Москве, она родилась в бакинских трущобах, а это что-то да значило. Именно она придумала Профсоюз – негласное объединение торговых работников для противостояния ОБХСС. Ведь как в Уголовном кодексе – за хищения от десяти тысяч – вплоть до расстрела. Но если есть система... иногда если пришла ревизия – ночью, срочно, могли закинуть на базу машину, две машины товара – под честное слово, под гарантии нелегального профсоюза. Понятно, что с документами не порядок будет – но за пересортицу не расстреливают. Понятно, что те, кто состоял в этом Профсоюзе – должны были скидываться на общий котел и скидываться немало. Но так всё же лучше, чем расстрел и конфискация...

И получалось – что тот, кто хотел жить и работать – просто НЕ МОГ НЕ ВОРОВАТЬ, Система того не позволяла.

Ирина же – за счет своих старых, еще кавказских связей – была одним из ходатаев торгового мира Москвы перед Ворами.

Воры же – в середине 70-ых вдруг осознали одну вещь – что если ограбить квартиру советского работяги или инженера – он заявит в милицию. А если ограбить дельца – то взять можно намного больше, а в полицию делец не заявит. Отвечать на вопросы, откуда у него такие богатства, он не захочет, да и расстанется с нажитым намного проще. Легко пришло— легко ушло. Наворует еще...

Потом – и до самых отмороженных дошло, что вместо того, чтобы грабить квартиру дельца, можно ограбить самого дельца. А если делец не хочет делиться – можно ему утюг на живот поставить, и он опять же – не заявит. Первому – такая идея пришла в голову Вячеславу Иванькову по прозвищу Ассирийский зять. Он же вор в законе Япончик.

Но постепенно – и воры и торговцы пришли к тому что конфликтовать – невыгодно. Для воров – ежемесячные поступления в общак от торговцев оказались выгоднее чем самим подламывать их квартиры. А торговцы не только избавились от перспективы утюга на животе. В торговом мире постоянно заключаются сделки, кто-то кому-то дает в долг и бывает что не возвращают. Тот кто давал в долг – в мили-

цию не пойдет, чтобы не объяснять, откуда деньги – а ворам ничего объяснять не надо. Попавшим в тюрьму торговцам – воров тоже могли оказать действенную помощь. Засылайте побольше грева – и никто вашего не тронет, устроится работать хлеборезом и будет жить как у Бога за пазухой. За решеткой – слово воров закон.

Ирина была одной из тех, кому доверяли обе стороны. Еще будучи замужней женщиной – она испытывала тягу ко всяким плохим парням, да и плохие парни – испытывали тягу к ней. Так что связи у нее были хорошие и в том и в другом мире, и везде ее слушали – а к «Березке» никакой ОБХСС-ник и шагу бы не сделал.

Как никто и к ней, Ирине, не мог и шагу сделать. Но все закончилось ровно в тот момент, когда в магазине она увидела двоих, и один из них показал красную книжечку. И поняла она, что система приносит ее в жертву. Как принесла расстрелянного Юрия Соколова, фронтовика, директора Елисеевского. Как принесла и многих других. При Андропове – тысячи торговцев сменили хлебные места на лагерный клифт. И что – думаете, что-то изменилось? Ни-че-го. Просто сменились люди, после чего новые принялись хапать с прежним азартом. Еще и больше. Вся суть системы – выживание системы намного важнее, чем выживание одного человека. Потому – если схватили тебя, то ты должен молчать как партизан, смиренно принять наказание за себя и за других и идти в зону. Если так – за тебя пойдут ходатаи с по-

дарками, с просьбами войти в положение, суд даст по минимальному пределу статьи – восемь, десять лет, в зоне тебя устроят на хорошую должность, библиотекаря или хлебореза, и после освобождения не забудут, устроят хоть кем, хоть завхозом, хоть дворником – но устроят. Если же начнешь говорить – пеняй на себя. Пример из того же Азербайджана – один из пойманных браконьеров признался, что давал взятки начальнику местного РОВД за право выйти в море. Его самого убили в камере, жену уволили из больницы, сына затравили в школе. Система к таким безжалостна, никто не имеет права нарушать сложившийся порядок вещей.

И она – не имеет.

Ворота открылись. За воротами – автоматчики. Водитель показал красную книжку с талоном – пропустили. За окном – новенький асфальт, березки. Вдалеке – за деревьями какое-то здание, невысокое...

АБЦ – Архивно-библиотечный центр КГБ. Строили его вроде под архив, потом пытались использовать как своего рода закрытую гостиницу для «акклиматизации» вернувшихся с холода и уходящих на холод агентов. Сейчас это место использовалось не только КГБ, но и некоторыми другими структурами для проведения встреч особой важности.

Волга остановилась

– Выходим.

Ирина Липман вышла. КГБшники сразу пристроились – один спереди, другой сзади.

Чисто выметенные дорожки, пышная зелень – разгар лета. И явно не следственный изолятор.

Они пошли по асфальтированной дорожке к зданию. Там, в беседке сидел человек, похожий на художника или пианиста. Но никак не на председателя КГБ...

– Доставили, товарищ Председатель

...

Судью Ирина Липман узнала. И поняла, что ничего хорошего ее не ждет. Его хорошо знали в подпольном мире, его имя произносили шепотом, и только предварительно осмотревшись по сторонам – не слышит ли кто. Такого во всем Советском Союзе не было – чтобы представитель древнего тюркского княжеского рода, который негласно правил Азербайджаном еще при царях – совмещал высокую должность судьи Верховного суда и лидера азербайджанской мафии. Он, кстати, тоже не был Вором в законе лишь потому что и не думал короноваться. Если бы он захотел – то несомненно стал бы Вором, учитывая то какие нравы процветают на Кавказе.

Кличка у него была – Ночной хозяин. Или просто – Хозяин.

Алиев, будучи главой Азербайджана, – безуспешно боролся с Хозяином, но, возглавив страну, неожиданно предложил этому человеку возглавить КГБ. К удивлению всех – Хозяин предложение принял. Он ведь был уважаемым человеком – член партии с шестьдесят первого, крепкий семьянин, док-

тор юридических наук. Кому, как не ему?

Хозяин подошел ближе

– Свободны – произнес он, смотря на офицеров КГБ, привезших Ирину

Офицеры немедленно пошли назад. А Ирина подумала – в юбке у нее вшита цыганская игла. Может, попытаться?

Хотя она знала, что тогда будет – убьют не только ее. Перебьют и всю семью, до последнего человека. Там – не Советский союз. Там – считай, что ханство.

И потому – она оставила мысли о цыганской игле и привычно посмотрела на стоящего перед ней человека, как на мужчину.

А неплох. Лет шестьдесят точно есть, но нет ни признака грядущей смерти, перед которой все равны. Хорошо одет, пузо не наел...

Но главное – аура власти. То, перед чем она никогда не могла устоять. И Вора́м она давалась не всем – а только тем, в которых это было. Природным вожакам стаи – а такие даже среди воров – были редкостью

– Удивлены, Ирина Генриховна? – спросил Хозяин.

Ирина повела плечами

– Чего мне удивляться. Я всякого повидала...

Судья кивнул:

– И правда.

Липман просекла намек – было бы глупо считать, что в КГБ ее не знают как облупленную. Но знать и доказать – ве-

щи разные.

Интересно только, зачем она им? Ссучить хотят? Тогда просто забрали бы.

Да и хрен им на всю морду...

Она решила обострить

– Так чего вам надо, гражданин начальник? Могу телевизор устроить? Или магнитофон. «Шарп». По госцене продам

Судья поморщился

– Нехорошо говорите, Ирина Генриховна. Это, между прочим, спекуляцией называется. А партия со спекуляцией борется.

– Какая же спекуляция? Все как положено, под квитанцию, по госцене. Могу икорки достать.

Судья внимательно посмотрел на нее.

– Думаете, у меня икры нет?

Да нет, есть. Про то, что все браконьерские артели, которые почти извели за последние десять лет каспийского осетра находятся под чьей-то крышей – это всем в Азербайджане было известно. Икра она ведь такое дело... весит мало, стоит дорого. На том берегу – Иран, а там тогда американцы долларами платили. Про то, что браконьерство на Каспии – это чуть больше чем браконьерство – знали все. Потому то браконьерами даже КГБ занимался. Но когда преступление совершают все – может, это уже и не преступление?

Ирина Липман смутилась:

– Ну... есть... наверное.

– То-то и оно. Всё у меня есть, Ирина Генриховна. И у вас – всё есть и даже больше чем у обычного советского человека. Только вот справедливости – нет.

Судья протянул Ирине папку, которую держал при себе.

– Вот. Ознакомьтесь.

...

– Дело одного капитана госбезопасности. Того, который расстрелял вашего деда. И всю его семью.

Чего Ирина Генриховна не ожидала, так это вот этого...

– Сорок первый год, Донбасс. В связи с наступлением гитлеровских войск – было принято решение принудительно выселить немецких колонистов в Казахстан. По вашему населенному пункту – приказ исполнял капитан госбезопасности Любый. Когда поезд не подали – он принял решение расстрелять всех спецпереселенцев. Включая и детей. Потом, конечно, объявили, что людей расстреляли немцы...

...

– А у вас в руках – дело уже полковника госбезопасности Любого. Который, в сорок пятом году в Вене занимался мародерством и на этой почве – был завербован британской разведкой. В пятьдесят третьем году – товарищ Любый вместе с группой других товарищей, пособников Берии, были разоблачены как предатели. Военной коллегией Верховного суда Любый был приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение.

Липман постаралась держать себя в руках

– Для чего вы мне это показываете?

– Для того чтобы вы понимали, Ирина Генриховна – государство умеет исправлять свои ошибки...

...

– А вообще то я хотел поговорить с вами о «Белом Лебеде»...

Ирина вздрогнула.

«Белый лебедь» – так называлась спецколония в Пермском крае. Туда отправляли отбывать наказание только воров в законе и самых отмороженных из стремяг.

Там была бойня. Работать никто не работал – да и не заставлял никто, все понимали, что воры работать не будут. Прибывающих – встречал начальник колонии, всех зверски избивали. В качестве работы – эки таскали бревно. Туда-сюда. Кто падал – тех избивали охранники.

Выйти можно было просто. Пойти к начальнику и сказать, что отказываешься от звания вора в законе. Тогда тебя покормят, больше не будут издеваться, статью, о бывшем воре, вставшем на путь исправления – пропечатают в лагерных газетах. После чего ссучившегося – если и не убьют, то опустят на самый низ лагерной иерархии.

Воры не сразу, но сообразили, чем это грозит, и на всесоюзной сходке было принято решение, что отказ от звания вора, сделанный в «Белом Лебеде», считается недействительным. Она была одним из инициаторов такого решения. Так

– с...и обломались, но у них было и много других способов сделать человеку жизнь в клеточку.

И сейчас, Ирина испугалась. Хотя понятно, что женщину в мужскую колонию никто не затрюмит... а все-таки.

– Угрожаете, гражданин начальник?

– С чего вы взяли?

...

– Кстати, гражданин начальник... нехорошо.

– Я человек вольный.

– Я знаю.

Судья посмотрел куда-то вверх, на кроны берез. Скоро – они дадут листву...

– Вообще-то есть мнение «Белый Лебедь» закрыть

Ирина снова вздрогнула

– Мое мнение...

Вот это дела...

– И за что деловым людям такое послабление, гражданин начальник? – контролируя голос, спросила она.

– Вам? Да ни за что. Вы что-то читали про Фиделя Кастро?

Ирина припомнила... есть.

– Это... Куба, да?

– Она самая. Так вот – он как-то раз дал амнистию всем уголовникам. И переправил их в США, как врагов режима. Понимаете?

Ирина просекла мгновенно.

– То-то они там шороху дали...

– Не то слово. В Майами теперь опасно на улицу выйти.

Оба замолчали. Судья осмотрелся, потом вдруг встал, легко для своих лет присел на корточки, погладил первые зеленые ростки, пробивающиеся из-под земли

– Завтра пойдете в ОВИР¹⁰, – сказал он в пустоту. Подадите документы на визу. Вам их сделают быстро. Полетите в США. Знаете, Брайтон-Бич?

– Слышала.

– Наведете там справки. Осмотритесь. Посмотрите, кто и чем дышит. Сколько человек там можно разместить... Потом вернетесь. Пустите слух. Мы сейчас начинаем новую программу выдворения. Болтуны всякие. Инвалиды пятого пункта¹¹. Кто хочет с ними – не вопрос. Дела пересмотрим. Пусть берут на себя политическую статью и уматывают.

Ирина подумала – так-то Вору запахло на себя политику брать. Но... или в «Белом Лебеде» подыхать, или в Америку. Разница есть.

– ... Вместе с вами поедут и наши люди. Их не выявлять.

Ирина подумала – умны. Черти...

– Вам то это зачем? – искренне спросила она.

– Мне... видите ли, Ирина Генриховна... я не верю в исправление тюрьмой. Ни разу не видел исправившегося в тюрьме зэка. Одни сидят. Другие на вышках их охраняют. Из

---

¹⁰ Отдел виз и регистрации.

¹¹ Евреи.

тюремной системы выходят люди или сломанные, или озлобленные. А мы – строим новое общество. По хорошему, Ирина Генриховна – всех ваших... воров в законе надо бы расстрелять. Так было бы правильно. Но только сейчас не сталинские времена. И вот я подумал – что делать? У вас по истории что в школе было?

– Не помню.

– Так вот, на заре Советской власти было такое интересное дополнение к Уголовному кодексу. Смертная казнь – была приравнена к высылке из страны. Это были равнозначные меры. Убрать человека из страны – было все равно, что убрать его из жизни.

– Никогда не слышала – поразились Ирина

– Было, было. Расстрелять мы вас не можем. А вот убрать из советского общества – можем.

Ирина размышляла. Сотрудничать с властью – то еще запахло. А вот в Америку уехать...

– Будете нам помогать по мере сил оттуда. За это – вашим здесь послабление будет. Ну и... пусть и в Нью-Йорке тоже нельзя будет на улицу выйти. Там ведь во всех зонах главная – администрация.

Что-то темное и опасное ворохнулось в душе Ирины... ах, так? Значит, и там администрация зэка жмет?

Ничего. Перекрасим зоны. Были красные – станут черные¹²...

---

¹² Красная зона – зона где управляет администрация. Черная – где хозяевами

Они еще не знают, кто такие русские воры в законе.

Но узнают!

– Сколько?

– Что – сколько?

– Сколько заплатите за услуги?

Судья покачал головой

– Как нехорошо, Ирина Генриховна. А то у вас денег нет.

Я-то думал, вы согласитесь помочь собратьям сидящим...

– Ты меня в активистки не записывай, начальник. Бесплатно только активистки работают. Да и ты – кум колбасой подкармливает. И в кабинете на диванчике дерет... Деньги мне и правда не нужны. Две вещи нужны.

– Это какие?

– Первая – скажите, чтобы мне во Внешторгбанке рубли на доллары поменяли. Что я – с пустыми руками поеду?

– А второе?

– Второе? Когда вернусь, пусть меня твои псы через депутатский зал проведут, без досмотра. И сумки пусть без досмотра.

Судья моментально понял – Ирина сама поездку профинансирует.

– До машины не поднести?

– А что, пусть и поднесут. У вас вон какие пехлеваны здоровые. А я женщина слабая...

– Да, вы – слабая...

Помолчали.

– Завтра. Это же время, та же машина. Съездите туда, потом обратно привезут. На Пушкинской¹³ свои порядки.

– А вы-то откуда знаете?

– Не наглейте, Липман. Всему есть свой предел. Сделаете дело – в Шереметьево вас встретят. Поедете от ВЦСПС¹⁴.

– Премного благодарна.

– Как договариваться будете?

– Уж как-то, товарищ народный судья.

– Я уже давно не народный. И не судья. Впрочем, ученого учить только портить. Не договоритесь – лучше оставайтесь в США.

– Само собой.

– Только воровать там не думайте. Там за это сразу тюрьма.

– У нас тоже не медали дают.

Липман хотела уже подняться, но остановилась.

– А вопрос можно?

– Разрешаю.

– Зачем вам все это?

– Что – это?

– Ну... с американцами.

Судья присвистнул.

---

¹³ Там находилась одна из контор Внешторгбанка, можно было отовариться долларами и золотом.

¹⁴ Центральный орган советских профсоюзов.

– Вот так вопрос. Зачем?

– Да просто... знать хочу. Вы же знаете кто я, а я – кто вы. Вам-то зачем?

– Зачем... Ну, хорошо. Вот вы, Ирина Генриховна. Наво-
ровали на квартиру, на дачу, на машину. Закопали пару ба-
нок с золотом где-то на дачке. И что – всё? Совсем – всё? А
вот американцев опрокинуть – по-настоящему опрокинуть,
как у нас умеют – вот это вопрос. Я когда в должность всту-
пил, с делами знакомился, меня одна вещь поразила: за по-
следний год по всему миру четверо советских разведчиков
погибло при подозрительных обстоятельствах, и след явно
ведет туда. А сколько американских разведчиков погибло
так же? Ноль! Просто – боятся люди... Ответственность на
себя не берут, да и просто – боятся. А что если и мы – так
же? Поняли, Ирина Генриховна?

Она кивнула

– Поняла.

И вдруг она поняла, что вражда – со страной, с народом, в
которой ее тихо воспитывали родители, с которой она жила
– как то утихла...

**Москва—Вюнсдорф. Штаб Группы советских
войск в Германии**

. 2 августа 1988 года

В соответствии с назначением Николай должен был при-
быть в ГДР, в штаб Западной группы войск. Было два пути –
либо самолетом на один из аэродромов, либо поездом. Пого-

да была плохая, причем плохая надолго – и Николай выбрал поезд, надеясь хоть немного отоспаться в дороге.

До Вюнсдорфа ходил отдельный поезд, 17-й скорый, Москва—Вюнсдорф. Билеты ему продали по брони, хотя смысла в ней никакой не было – этот поезд целиком был военный; конечная – штаб ГВСГ, в котором жило, служило и работало до 60 тысяч человек. Целый город, в котором не работали, а служили, а жизнь устраивалась и складывалась совсем иначе, не так как на гражданке.

17-й скорый ходил с Белорусского. Николай приехал туда на метро, попутно отмечая приметы нового времени. Торговля, торговля то тут, то там, торговали с рук. Как только отменили уголовную статью за спекуляцию¹⁵ – так торговали все больше и больше.

И квасили.

...

Квасить начали почти сразу, как поезд отошел от края платформы. Поезд был прямой, ехали либо жены с детьми, либо мужики к месту службы. И как только за окном замелькали подслеповатые домики крестьянского Нечерноземья –

---

¹⁵ Статья УК, карающая за предпринимательство, была отменена в рамках частичной либерализации экономики, предполагавшей расширение кооперативной и частной трудовой деятельности. Это не было чем-то новым. При Сталине было немало трудовых артелей и кооперативов, снабжавших страну простым, но нужным товаром. Считалось, что в кооперативе нет эксплуатации, так как кооператоры сами себя эксплуатируют – потому можно. Кооперативы запретил Хрущев и в том числе из-за этого в стране постепенно начался дефицит ширпотреба.

вагон разделился на мужскую и женскую части. Мужская – начала доставать всё, что у нее есть, и выставлять на стол, а женская – старалась не попадаться разошедшимся мужикам на глаза... ну и тоже как-то общалась.

Хотя у женщин это получалось труднее... натужнее. Иерархия заметна. У мужиков за бутылкой званий нет, все почти равны – и капитан, и полковник. А вот у женщин... жена полковника с женой капитана общаться никогда не будет – не по чину. Да что там общаться – с...ать на одном гектаре не сядет, простите...

Николай старался во всем в этом не участвовать, да куда там.

– Эй, капитан...

Николай не понял, что обращаются к нему. Он и звание свое обмыть не успел, да к тому же оно было званием для прикрытия. Хотя, наверное, оставят...

– Капитан, ты чего? Старших по званию не признаешь?

Николай посмотрел, кто к нему обращается.

– Прошу простить, – нейтрально сказал он.

Обращавшийся к нему майор тоже кое-что понял.

– Чего такой загорелый? Оттуда что ли? – Иди к нам, чего сидеть. Ехать долго еще...

Николай сначала хотел отказаться. Но потом подумал – а смысл? Все равно надо с чего-то начинать на новом месте, обустраиваться, наводить отношения. Почему бы и не с этого.

И он встал.

Народ ехал специфический...

Попасть в ЗГВ – было не так круто, как советником на загранку, где чеками платили – но куда круче, чем нести тяготы и лишения в каком-нибудь гарнизоне в Суходрищенске. Здесь тоже часть денежного довольствия полагалась чеками. Но главное было не это – а то, что в ГДР легально продавали всякие западные товары. Да и местные товары – были куда лучше советских. Так что люди поумнее заранее готовились – покупали то, что в СССР стоило копейки, и разузнавали, на что больший спрос у спекулянтов.

Николай к этому относился спокойно. Ему помогала книга «Бушидо», в которой говорилось: возвращаешься домой, вышли вперед слугу. Это значило то, что не стоит возвращаться домой как снег на голову, потому что там ты можешь застать что-то не совсем хорошее, и тебе придется наказывать, а так как люди дурны – это никогда не кончится. Потому – стоит выслать слугу и заранее предупредить о своем появлении, чтобы если кто-то что-то плохое и делал – то успел прекратить к появлению хозяина. В этом японцы были мудры...

Постепенно – с количеством потребленного – разговор сворачивал на политику...

– Нет, ты подумай, – горячился майор, который его пригласил, – чурка во главе страны! Куда это годится?

– А что, Горбач лучше был?

– Лучше!

– И чем же?

– Он свободу дал!

– Какую еще свободу?

– А что, гласность – это не свобода? Только объявили – и на тебе!

– А что – сейчас гласности нет?

– А какая сейчас гласность?! КГБ лютует, слышал про высылку? Афанасьева выслали, Гефтера, еще много кого...

Николай за политикой не следил, и о произошедшем не знал. С приходом к власти Алиева – КГБ развернул с новой силой борьбу с диссидентами. Только теперь немного по-другому: сорок восемь часов на сборы, паспорт с выездной визой в зубы – и уматывай куда хочешь. Хочешь в Израиль, хочешь в Америку – куда хочешь. Если при Андропове старались перевоспитывать, подписывали соглашения о том, что можно и чего нельзя, то при Алиеве все намного упростилось: не нравится? Уматывай!

– Правильно выслали. Пусть там и воняют. А ты что думаешь?

...

– Капитан, эй!

Николай посмотрел на спрашивающего.

– Ничего я не думаю.

Встал и вышел.

...

В тамбуре было холодно, из перехода – дул ветер. В вагоне курить запрещалось, потому все ходили в тамбур.

Николай курить не стал. Просто стоял и смотрел в окно.

Хлябнула дверь. Кто-то еще вошел. Николай обернулся, увидел незнакомого капитана. В возрасте – то есть, из тех капитанов, которые никогда не станут майорами. А отправили его в ЗГВ – перед пенсией, чтобы подзаработал.

Пожалели...

– Не куришь? Молодец...

Николай ничего не ответил.

Капитан закурил. Затянулся, сбросил пепел в пепельницу из консервной банки из-под кильки в томате. В Афганистане ее называли «красная рыба», она вызывала тяжелую изжогу и всем надоела до тошноты.

– В штаб или в дивизию?

– Простите?

– Штабной или в дивизию поедешь?

– Пока к штабу, там решат. Водитель я.

– Водитель – это хорошо. И то, что не куришь – тоже хорошо.

...

– Николай...

Николай не обернулся.

– Выходи не первым. На перроне задержись, к тебе человек подойдет. Вы знакомы. Он все объяснит.

Хлопнула дверь.

...

Через Польшу шли в основном ночью. Рано утром – встали на каком-то полустанке, непонятно почему. Из мужиков, кто уже проснулся – потянулись покурить. Полустанок был в каком-то польском городе, небольшом. Было видно, что город, в основном, сельскохозяйственный. Бросалось в глаза, какие большие участки у домов, больше пятидесяти соток, наверное. На некоторых работали крестьяне, тархтел маленький трактор.

Николай прислушался.

– Здесь колхозов нет почти, не создавали. Есть что-то вроде совхозов, но в основном земля у крестьян вся. Потому и в магазинах не шаром покати, как у нас.

– А говорят, плохо все у них.

– Ты больше слушай! Я у них служил тут. Уж чего – чего, а жратвы-то в магазинах у них всегда хватало. Не то, чтобы шиковали – но и так как у нас, за курицей очередь, а мясо только по праздникам – нет такого. Тут еще в основном страна-то сельская, у многих родственники в деревне, а держат они скотины больше чем у нас. По две-три коровы у многих... В костёлы все ходят, тут религию не запрещали¹⁶, в субботу на улицах пусто утром – все в костел ушли.

---

¹⁶ Это не совсем так. ПОРП – польская рабочая партия – с 1945 года вела активную и во многом безрезультатную борьбу с католичеством. В этой борьбе поднялся в частности Кароль Войтыла – будущий Иоанн Павел II. Существовал такой город – Гута Сталова, который строился как образцовый коммунистиче-

И ненавидят нас...

– За что?

– За то, что русские. Ты не верь тому, что говорится, про пролетарский интернационализм. Для поляка любовью русский – враг, нас ненавидят все, от детей и до глубоких стариков. Начнись война, они нам в спину стрелять будут...

Да уж. И зачем мы тут стоим, спрашивается?

Свистнул тепловоз. Народ потянулся к вагонам, гася сигареты...

...

Второй раз встали уже на территории ГДР. Николай снова вышел и глянув в голову состава, не смог сдержать удивления.

О как!

Вагоны были прицеплены к... паровозу! Самому настоящему, живому паровозу! Николая это так удивило, что он не отказал себе в удовольствии подойти поближе, полюбоваться огромной, пышущей жаром машиной¹⁷.

ский город с нуля и там не было костёла. Костёл были вынуждены поставить после двадцати лет борьбы. Видимо, в немалой степени сыграла тут роль позиция самой католической церкви, и то что она была лишь частью большого католичества и не пошла на соглашательство с властью.

¹⁷ Это на самом деле так, на ГДРовском участке пути состав большую часть пути тянул паровоз. Если в СССР паровозы с железных дорог окончательно ушли в 70-ых – то в ГДР они использовались до конца, а на ж/д объединенной Германии – до конца 90-х. Не верите? Ну вот например запись 1993 года – <https://www.youtube.com/watch?v=pqOF257cmkM> – паровозы и двухэтажные приго-

– Что стоите, молодой человек

Ого... патруль. Строго тут. Он предъявил документы.

– В штаб следуете?

– В штаб.

Начальник патруля вернул документы.

– Николай!

Николай обернулся, сделал шаг в сторону и опустил руки так, чтобы при необходимости тело быстро приняло защитную стойку. На него смотрел незнакомый парень...

– Совсем не узнаешь? Это я, Эдик...

Парень улыбался на все тридцать два.

– Нет. Не узнаю, – сказал Николай

– В Джелалабаде вместе чай пили. У дукандора Карима вшивник¹⁸ покупали? Ну?

Этого не мог знать никто.

– Пошли, подвезу. Вещи назад бросай.

У вокзала стояла машина, Ваз-2106 и у шестерки были, почему то синие номера¹⁹

родные вагоны из Герлица. Кстати, иногда в американских фильмах 90-х можно было встретить кадры, как якобы в бывшем СССР на железной дороге работают паровозы. Видимо, американцы увидели это в ГДР и подумали, что и у нас так же.

¹⁸ Свитер.

¹⁹ Синие номера полагались советским гражданским представителям, которые не являлись дипработниками, но находились на ответственной работе. Например, журналистам

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.